

Роман Анатолевич Глушков
Последний барьер
Серия «Зона Смерти»
Серия «Алмазный Мангуст», книга 4

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=637205
Последний барьер: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-49720-1

Аннотация

Главной и почти неосуществимой мечтой одного из самых знаменитых сталкеров Пятизонья, Алмазного Мангуста, было избавление от внедрившихся в его тело огромных алмазов. Одарив бывшего военного летчика невероятными способностями, они намертво перечеркнули возможность возвращения в Большой мир к любимой жене и дочери. Однако доктор Свистунов вернул отчаявшемуся сталкеру надежду. Дело за малым: раздобыть артефакт «Лототрон», похищенный гениальным безумцем Талерманом и укрытый в его подземной лаборатории. В ходе опаснейшего поиска Алмазный Мангуст оказывается в центре пересечения интересов двух могущественных враждующих группировок. На кону – дальнейшее развитие человеческой цивилизации, огромные деньги, жизнь самого Мангуста и его друзей.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Роман Глушков

Последний барьер

Когда вы играете с Фишером, вопрос не в том, выиграете вы или нет; вопрос в том, выживете вы или нет.

Борис Спасский, международный шахматный гроссмейстер.

Будучи на вершине, ты находишься над бездной.

Станислав Ежи Лец.

Глава 1

– У Рижского вокзала
Стою я молодой.
Подайте Христа ради
Червончик золотой...

– пропела себе под нос Динара Арабеска, выйдя вместе со мной, нашим общим приятелем Жориком Дюймовым и доктором Тиберием Свистуновым на площадь перед упомянутым питерской следопыткой Московским вокзалом. Правда, назвать это площадью сегодня было трудно. Вздыбленный огромными пластами асфальт, на котором еще виднелась дорожная разметка, и зияющие там и сям наполненные талой водой воронки делали окружающее нас пространство проходимым разве что для танков и шагающей техники. Ну и еще для нас – пешех бродяг, способных отыскать проход среди луж, нагромождений глыб и прочего скопившегося здесь за последние годы хлама.

– Если мне не изменяет память, петь эту песенку следовало бы, стоя не у Рижского, а у Курского вокзала, – уточнил Тиберий, окидывая взором раскинувшуюся перед нами мрачную панораму. – Хотя вы правы: принципиальной разницы нет. Особенно беря во внимание, что рядом с Курским вокзалом нынче не только не попоешь, но и просто спокойно не постоишь.

Верно подмечено. По сравнению с Курским вокзалом – одним из излюбленных мест скопления здешнего техноса – Рижский выглядел не в пример безмятежнее. Если, конечно, можно назвать безмятежным наполовину обращенный в руины, некогда весьма приглядный исторический архитектурный ансамбль. Постройки его правого и левого крыла были давно сровнены с землей, но центральная часть комплекса продолжала возвышаться среди окружающего ее хаоса и разрухи. Крыша здания также обвалилась, и укрыться от непогоды в главном зале бывшего вокзала ныне было невозможно. Что, впрочем, не так уж критично, пока в нем оставались служебные помещения с уцелевшими потолками.

– Извините, Геннадий Валерьевич, – подал голос самый молодой и недотепистый – но отнюдь не лишний – член нашей компании Жорик Дюймовый, – я вас сегодня об этом уже спрашивал, но вы тогда сказали, что мы потолкуем чуть попозже...

– Ты говоришь о том, почему человек Мерлина выбрал для встречи именно эти развалины, так? – перебил я напарника, припомнив наш давешний несостоявшийся разговор.

– Ага. – Жорик кивнул и покосился на Динару, с которой его связывали более близкие, чем просто приятельские, отношения. Но Арабеску озадачившее Дюймового обстоятельство не интересовало. Будучи более опытным, чем ее кавалер, сталкером, она заранее знала, что

мы прибыли в особенное для нашего покровителя Семена Пожарского – Мерлина – место. – До сих пор не возьму в толк, зачем этот «жженный» сталкер попросил нас ждать его тут, а не у тамбура. Ведь в Курчатнике нам было бы гораздо проще пересечься.

– Во-первых, потому что посланец Семена прибедет сюда не через тамбур, а через Барьер, – пояснил я, уже посвященный в эти подробности. – А во-вторых, Рижский вокзал для Мерлина и его друзей – нечто вроде местного святилища. Когда раньше он со своей группой прибывал в Московскую локацию и сталкеры об этом узнавали, они знали, что всегда могут встретиться здесь со своим кумиром и благодетелем. А не встретиться, так хотя бы оставить для него послание. Ну а те, кому не доводилось застать в «святилище» ребят из команды Пожарского, пользовались Плитой Надежды. Неужто, Жорик, ты никогда не слышал о Плитах Надежды? Я, конечно, понимаю, что гордым рыцарям Ордена было несолидно ими пользоваться, но все-таки?

– Почему не доводилось? Слышал, ясен пень. Кто же в Пятизонье не слышал об этих ваших... Плитах? – пожал плечами Черный Джордж, но по его дрогнувшему голосу было очевидно, что ни о чем таком он прежде понятия не имел.

– Жаль, что Зона лишила Мерлина обеих ног и теперь он не может здесь появляться, – горестно вздохнула Динара и призналась: – Когда я в «Светоче» впервые узнала об этом, то очень расстроилась и целые сутки напролет, словно школьница, в подушку проревела. Без Семена все стало по-другому. Нет, конечно, мир не перевернулся, но он уже не тот, что был прежде... Кстати, заметили, как тут сегодня безлюдно? А раньше у Рижского вокзала постоянно отирались какие-нибудь вольные сталкеры, которые шли мимо и надеялись, что вдруг им повезет застать Пожарского у Плиты Надежды...

Весна под куполами Барьеров лишь в самом ее «мокром» начале напоминает весну за пределами Пятизонья. Когда же в Большом мире наступает пора всеобщего цветения и благоухания, здесь все становится таким, каким вам придется наблюдать это вплоть до следующего выпадения снега. Безрадостная картина мертвого и чуждого человеку мира, в котором ощущается катастрофическая нехватка зеленых красок...

И все же, едва в Зоне начинает таять снег, а бегущие ручейки журчат и переливаются под здешним мутным солнцем, я, затихнув, обожаю слушать эти звуки и глядеть, прищурив свой единственный глаз, на искрящиеся повсюду блики. Порой, когда обстановка благоприятствует и у меня нет срочных дел, я могу пребывать в таком отрешенном состоянии довольно долго: полчаса, час... В эти моменты душу мою переполняют столь дивные ощущения, что в двух словах не опишешь. Но если все же попробовать, то... ностальгическая эйфория – вот, пожалуй, самое точное им определение. Все ручьи, созерцанию коих я предавался, как будто сливались передо мной в кристально чистый поток, который накатывал на меня, вынуждая погружаться в него с головой. Его животворные воды вымывали из моей души грязь и кровь, что налипали к ней весь минувший год. А затем поток вновь распался на мелкие струи и устремлялся дальше, возвращая всю отобранную у меня мерзость в гадкую землю Зоны.

В Большом мире звон капли и журчанье талых вод испокон веков служат предвестниками скорого пробуждения природы от зимней спячки. Здесь они не предвещают ничего, кроме глубокой, скользкой и чавкающей под ногами грязи. А также новых водных преград, что встанут у вас на пути там, где прежде пролегали нахоженные тропы. Даже биомехи, которым грязь и вода не доставляли особых неудобств, предпочитали не рыскать в эти недели по локациям, а отсиживались в сухих местах, где на их конечности, гусеницы и колеса не налипла раскисшая глина. Это обстоятельство пусть немного, но компенсировало те неприятности, какие нервируют сталкеров, путешествующих по Пятизонью в разгар сезонных распутиц.

На рост автонов весенняя оттепель почти не влияла, разве что они становились не такими ломкими, как на морозе. Им не требовались тепло и солнце. Металлорастения росли даже под снегом, и лишь от его глубины зависело, удастся ли сталкерам пройти зимой напрямик через те или иные стальные дебри. Весной эта лафа заканчивалась, и бродягам опять приходилось корпеть над спутниковыми картами, производя новую перепланировку маршрутов.

Что за потоп разразится в апреле под Новосибирским Барьером, и подумать страшно; надеюсь, вы не забыли, по каким чудовищным снегам нам пришлось путешествовать там в феврале этого года? Однако в Москве, куда мы заявили позавчера всей нашей бандой (или, если угодно, четырехсторонней коалицией), все было не так мрачно. Точнее говоря, не мрачнее, чем обычно бывает здесь в марте. Московская весна наступала месяцем раньше сибирской, так что тающий столичный снег, ручьи, лужи и грязь не стали для нас неожиданностью. К тому же мы телепортировались сюда не напрямую из Сибири, а из более теплого Чернобыля, куда отправились сразу, как только добрались до Новосибирского тамбура.

Мы проторчали в Чернобыле две недели. Отсиживались в моем убежище, зализывали раны и периодически наведывались инкогнито на крупнейший рынок Пятизвонья – Обочину. Там мы узнавали последние новости и через доверенных людей вышли на связь с находящимся по ту сторону Барьера Мерлином. Последние четыре месяца я, Черный Джордж и Арабеска были не по своей воле оторваны от сталкерского мира и теперь наверстывали упущенное, знакомясь с изменившимися за это время порядками.

После всех масштабных потрясений и баталий 2057 года, которые уже назывались не иначе как Технореволюцией, Орден Священного Узла заметно подрастерял силы и до сих пор не обрел в Зоне былую власть. Я мог бы порадоваться этому факту, но только не сегодня, когда моими главными врагами стали военные. Они, подобно Ордену, тоже были не в курсе, жив я или мертв. Но если для узловиков я бесследно исчез еще прошлой осенью, то для армейских чистильщиков, которые держали меня в плену, – лишь три недели назад. И потому вряд ли они прекратят мои поиски, пока не увидят хотя бы одно из семи доказательств моей гибели – алмаз весом в пятьсот карат.

Сбежавшая вместе с нами из плена Арабеска обрадовалась, когда разнюхала, что ее группировке – Питерцам – ослабление Ордена пошло исключительно во благо. Она разрослась, а ее лидеры – такая же дерзкая «молодежь», как и сама Динара, – наконец-то обрели в Сосновом бору тот авторитет, к какому всегда стремились. И если бы не полученный нами ответ от Семена, после Чернобыля мы, скорее всего, рванули бы на север – туда, где нас было бы сложнее всего отыскать. Но пришедшая из Большого мира весточка не оставила нам выбора. Инвалид Пожарский откликнулся на нашу просьбу: пообещал прислать нам надежного помощника и назначил место встречи с ним у Московской Плиты Надежды. Что было весьма символично, но не слишком благоразумно, ибо соваться раньше времени в локацию, где мы планировали вскорости учинить очередное беззаконие, мне не хотелось.

«Альтитуда»...

Сегодня это название стало для меня таким же наваждением, как имя Моби Дика для капитана Ахава, разве что с ума я вроде бы пока не сошел.

Испытательный полигон «Альтитуда», филиал научного центра «Светоч», куда все мы и ожидаемый нами помощник от Мерлина собирались вторгнуться, располагался на западном берегу канала Москва – Волга, в Химках, южнее МКАД. Беглый военный ученый Тиберий рассказывал, что когда-то на месте этого секретного объекта стоял какой-то крупный пансионат. Сегодня на той территории площадью примерно в четверть километра возвышалось Городище. Нетипично маленькое – прочие «муравейники» техноса были многократно крупнее и выше Химкинского – и черное, словно выстроенное целиком из вороненой стали,

оно, по гипотезе того же Свистунова, возникло там не случайно. И вдобавок являлось искусственным.

Вообще искусственных Городищ, то есть Городищ, созданных людьми, а не техносом, здешняя история еще не видывала. Хотя на самом деле такой проект уже существовал. Правда, лишь в теории. Его автор – бывший коллега Тиберия и сотрудник «Светоча» Давид Талерман – не сумел заставить Центр поддержать его дорогостоящую и небезопасную идею и в знак протеста уволился. Но не покинул Зону, а решил остаться в ней и воплотить-таки свой проект «Исгор» в жизнь. Только, разумеется, уже нелегально, без участия в нем военных ученых.

Спевшись каким-то образом с одним из самых грозных и разумных монстров Пятизонья – Трояном, – Талерман (мы также знали его под прозвищем Умник) создал на пару с ним исполинского биомеха Жнеца. Которому предстояло ни много ни мало очистить под Исгор целую локацию: Керченский остров. Однако прожектеры допустили один досадный просчет, ставший в итоге для их стратегии фатальным. Похитив и поработив лучшего сталкера Пятизонья Мерлина, дабы тот помогал им управлять Жнецом, Умник не предполагал, что наши поиски без вести пропавшего товарища увенчаются успехом. И что в итоге тот будет спасен, а Жнец – разрушен. Ради чего, впрочем, нам тоже пришлось многим пожертвовать. Для Семена его спасение завершилось ампутацией обеих ног, а я, Жорик и Динара угодили в лапы запоздавших на битву, но успевших пленить нас чистильщиков.

Далее наша и Талермана истории вновь разошлись. Мы были заточены на три месяца в подвалах «Светоча», а поумеривший амбиции Давид, судя по всему, приступил к реализации своего резервного плана.

Помимо ангара, где создавался Жнец, у ученого-нелегала имелась еще одна техническая база: полигон «Альтитуда». Прежде чем прибрать к рукам собственность Центра, Давиду пришлось разобраться с кое-какими проблемами. Искусственный интеллект «Альтитуды» напрочь вышел из-под контроля, стал опасен, и потому этот научный объект был законсервирован его бывшими хозяевами на неопределенный срок. Входы в него блокировались бетонными заглушками, а некоторые ярусы заполняла вода протекающего неподалеку канала.

Умник ни за что не смог бы проникнуть внутрь этой гигантской ловушки и обосноваться там без помощи своего компаньона Трояна. Но с его поддержкой у Давида это неплохо получилось. И за полгода до того, как Жнец отправился в свой короткий, но разрушительный рейд, над Химками взметнулись ввысь черные стальные всходы. Очевидно, это и был тот самый искусственно выведенный, экспериментальный вид металлорастений, которому предстояло со временем произрастать на Керченском острове. Вдобавок Городище не позволяло приблизиться к «Альтитуде» военным, которые прежде регулярно проверяли заглушки на законсервированном объекте.

Для каких целей Талерману потребовалась энергия редкой ловушки под названием «Лототрон», мы могли лишь догадываться. Но то, с какой жестокостью он воевал за обладание ею со своими бывшими собратьями из «Светоча», свидетельствовало: Умник не остановится абсолютно ни перед чем. Тем более теперь, помимо Трояна, у него появились и другие соратники: неведомые нам, хорошо оснащенные сталкеры и боты-мигранты Гордии – созданные Давидом существа, обязанные служить в Исгоре культиваторами, контролирующими его рост.

Мы знали обо этом, поскольку стали невольными участниками той войны, что развернулась в Новосибирске три недели назад. Как и почему мы там очутились, вы, полагаю, еще не забыли: Центр заставил Динару под дулом пистолета вести к «Лототрону» его экспедицию, а я и Дюймовый последовали за Арабеской, когда исхитрились задать деру от наших тюремщиков.

Самым странным членом нашей компании был Тиберий Свистунов, он же доктор Зеленый Шприц. Этот гениальный псих стал свидетелем нашего с Жориком побега и добровольно примкнул к нам, так как был уверен, что с помощью «Лототрона» сумеет постичь тайну моего феномена. И, став первооткрывателем нового вида энергии, неплохо на этом заработает. Ну и, разумеется, попутно избавит меня от моего энергетического углеродного симбионта. Вплавленные же в мое тело алмазы ценой в триста миллионов долларов как таковые Свистунова не интересовали. Согласен, в это верится с трудом. И тем не менее за время нашего с Тиберием совместного путешествия по снегам Новосибирска он так и не воспользовался шансом завладеть моими сокровищами. Чем доказал, что имеет право считаться если не моим другом, то человеком, которому я также могу доверять.

И вот, в результате этих сибирских злоключений, в коих нам повезло выжить и повторно избежать застенок чистильщиков, мы и «Светоч» остались ни с чем. А главный приз этого турнира – «Лототрон» – был упакован в специальный контейнер и отправился с победителем-Умником в Москву, на полигон «Альтитуда». Именно так предположил доктор Зеленый Шприц, которому довелось поработать в прошлом с Талерманом. И который мог в принципе догадаться о том, где прячется Давид и что он замышляет. Нам оставалось лишь заручиться поддержкой Мерлина и нанести визит в Химкинское Городище, дабы самим проверить, прав Тиберий или нет. И риск, какому мы себя при этом подвергали, был полностью оправдан. По крайней мере для меня, ведь в этом рейде я поставил на кон больше всех: собственную жизнь и возвращение к ждущей меня за Барьером семье полноценным здоровым человеком...

Хлюпя ботинками по раскисшей грязи и внимательно глядя под ноги, чтобы ненароком не угодить в ловушку, я и мои спутники пересекли привокзальную площадь. Петляние между завалами с оружием наготове в ожидании того, что вот-вот на нас отовсюду набросится враг, напоминало виртуальную игру-тир, вроде «Doom – VIII», в какую я с упоением резался в школе. Разве что в той легендарной «стрелялке» графика была поярче, руины – эстетичнее, а монстры – не такими живучими. Оно и неудивительно, ведь тогдашние создатели подобных игр еще понятия не имели, каким станет реальный мир, когда его населят не менее реальные чудовища.

Расстояние, пройдя которое в «Doom – VIII» игрок прикончил бы полсотни монстров, наяву мы преодолели, не сделав ни единого выстрела. Стрелок виртуального тира наверняка заскучал бы от такого бездействия. Но нас оно, разумеется, порадовало, пускай и согнало с меня и остальных семь потов. Изучив развалины изнутри через пробоины и пустые оконные проемы, мы так и не обнаружили ничего подозрительного. После чего с оглядкой поднялись по растрескавшейся лестнице и вошли в главный зал Рижского вокзала через давным-давно выбитые двери.

Здесь, как и снаружи, также никто не открыл по нам огонь и не бросился на нас, громыхая сервоприводными конечностями и скрежеща по бетону стальными когтями. Равно как никто не вышел при виде нас из-за укрытия с дружелюбными приветствиями. Это означало, что мы опередили посланника Мерлина, явившись к месту встречи раньше его. И теперь нам придется сидеть здесь, замаскировавшись, и терпеливо его дожидаться.

Ладно, пусть так – тоже не самый плохой вариант. Было бы хуже, притащи мы за собой на хвосте стадо биомехов или отряд чистильщиков, которые превратили бы наше спокойное ожидание в маленький шумный Сталинград. Отвратительное это занятие – удерживать круговую оборону, не имея возможности покинуть занимаемую территорию. Так что будем усердно молиться, чтобы удача благоволила к нам и дальше.

Немного расслабившись, мы опустили оружие и разошлись по залу обустроить себе огневые позиции на случай внезапной вражеской атаки. Однако Жорик первым делом направился не к окнам, а к свисающему почти до пола одному из обрушенных пролетов потолка-

ного перекрытия. После чего встал напротив этого обломка железобетонной плиты, важно покивал и молвил:

– Так вот ты какая, Плита Надежды! Ну да, примерно такой я тебя себе и представлял. Даже не верится, что на этом вот месте стоял когда-то сам великий Мерлин и читал вот эти надписи.

Восхищение, с которым Дюймовый это произнес, вызвало у его пассии Динары вовсе не понимание, а нервный смешок.

– Какой же ты забавный, Джорджик, – прыснув в кулак, заметила она и укоризненно покачала головой. – Нет, кое в чем ты, конечно, прав: Пожарский действительно не раз стоял на этом самом месте. Вот только читал ли он внимательно то, что здесь написано, я сильно сомневаюсь.

– Как это, блин, не читал?! Не может быть! – недоверчиво округлил глаза Дюймовый. А затем, нахмурившись, подошел вплотную к плите, стер с ее края перчаткой пыль и прочел вслух первую открывшуюся его взору надпись:

– «Все узловики – уроды и извращенцы! Они дрючат технос, а технос дрючит их. И еще они...»

Далее следовало пространное откровение, в котором упоминались такие шокирующие подробности интимной жизни узловиков, в сравнении с которыми их сношения с биомехами выглядели просто невинной детской шалостью.

– «...по очереди друг другу в рот», – тем не менее прилежно дочитал до точки Жорик. По мере того как он подбирался к концу чьих-то откровений, его круглощекая физиономия краснела все больше и больше. И когда сталкер умолк, румянец неловкости растекся по ней от кончиков ушей до самой шеи. А может, и ниже – этого под одеждой было уже не видно.

– Извините, – пробормотал обескураженный Черный... или, вернее, в данный момент Пунцовый Джордж. – Это не я придумал! Так на Плите Надежды написано. Слово в слово. Но какая сволочь посмела здесь такое нацарапать?! Неужто у нее после этого руки не отсохли?!

– Если бы у всех, кто в Зоне пишет на стенах похабности, отсыхали руки, – рассудил я, – старый барыга Упырь озолотился бы, поставляя сюда грузовиками протезы верхних конечностей. – После чего, не желая больше смотреть на негодующего напарника, просветил его, в чем он ошибся. – Все в порядке, дружище. Просто ты не к той плите подошел. Это – всего-навсего обычный обломок потолка, и только. А настоящая Плита Надежды – вон она, в дальнем углу.

И указал Жорику на прислоненный к стене большой – площадью около шести квадратных метров – металлический щит. Он и являл собой главный атрибут ныне заброшенного сталкерского святилища. На щите также лежал слой пыли. Но даже издали можно было определить, что пыли не так уж много и что ее периодически стирают, дабы прочесть сокрытые под ней надписи или нанести новые.

Читают ли их сегодня люди Мерлина? И вообще как часто за последние полгода они сюда наведывались? Все послания наносились на Плиту Надежды миниатюрными лазерными резаками, которые имелись в кармане почти у каждого сталкера. Прежде, появляясь на Рижском вокзале, Пожарский или члены его команды тщательно сканировали эти надписи. А потом оплавливали боевыми имплантами поверхность Плиты, стирая с нее всю переписанную информацию, чтобы освободить место для новой и дать понять бродягам, что их старые «надежды» не оставлены без внимания. А вот исполнятся они или нет, это уже кому как посчастливится. Пусть Мерлин и считался у вольных сталкеров святым чудотворцем, тем не менее всемогущим богом он, как любой другой человек, не был. Что лишний раз и подтвердилось, когда жестокосердная Зона отняла у Пожарского ноги.

Плиту Надежды испещряли десятки надписей, под многими из которых была представлена еще прошлогодняя дата. Это удручало. Однако «жженный» сталкер, с которым мы должны были встретиться, наверняка не пройдет мимо этих посланий и скопирует их себе на мини-комп. По крайней мере, хорошо знающие Семена и его собратьев я и Динара в этом почти не сомневались.

Близилась ночь, и настала пора подумать о ночлеге. Отмахав за день по слякоти и скользкой грязи изрядный путь, все мы вымотались, как собаки. Завтрашний день тоже не обещал быть легким, и отдых был нам просто жизненно необходим.

Отыскав в разгромленном вокзале относительно приличное помещение – судя по разбитому кафелю на стенах и сохранившейся больничной кушетке с отломанными ножками, когда-то здесь располагался медпункт – в нем мы и устроились. Не забыв, разумеется, выставить дозорного.

Ночной караул несли по давно отработанной схеме. Первым на вахту выходил я. Как наиболее выносливый из всех нас и потому наименее уставший, я мог просидеть в темноте, не смыкая глаз, довольно долго – чуть ли не полночи. После чего мне на смену являлась немного отоспавшаяся и отдохнувшая Динара. Усиленные имплантами ночного видения глаза следопытки оберегали наш покой до самых предрассветных сумерек. И когда видимость вокруг нашего убежища мало-мальски прояснялась, наступал черед дежурить Черному Джорджу и Зеленому Шприцу. Уповать на их наблюдательность особо не приходилось, хотя и тот и другой, надо отдать им должное, относились к делу со всей ответственностью. Но дабы они все же не засыпали на постах, им поручалось обозревать округу сразу вдвоем. И не более двух часов – пока окончательно не рассветало.

Жорик, само собой, был недоволен такой поблажкой, кричал, что он уже матерый сталкер и требовал, чтобы я доверил ему полноценную смену. Я всякий раз обещал над этим подумать, но дальше моих обещаний дело пока не заходило. Зато с Тиберием подобных разногласий не возникало. За время скитания с нами он тоже поднабрался кое-какого опыта, но, тем не менее, оценивал свои силы трезво. И ни словом не возражал против заведенного у нас караульного распорядка.

Оставив товарищей готовить скудный ужин и отходить ко сну, я вскарабкался на верхушку фасадной стены – наилучшая наблюдательная позиция, какую я мог подобрать. И дабы не маячить на фоне ночного неба, спрятался за расколотым надвое круглым мезонином, в центр коего прежде были вделаны большие механические часы. Накрывшись маскировочной сеткой, я стал почти неотличим от кучи мусора, на которой сидел, и мог быть обнаружен разве что с верхних этажей возвышающейся неподалеку гостиницы. Да и то маловероятно, поскольку подобные руины бродяги, как правило, обходят стороной.

Двадцатиэтажный корпус отеля выглядел так, словно его разрубили исполинским тесаком аж до самого фундамента. Однако, несмотря на зияющий посередине сквозной пролом, половинки высотки не упали. И теперь они напоминали не одно, а два стоящих по соседству здания, готовых, казалось, обрушиться даже от легкого чиха. Большинству сталкеров хватало одного взгляда на них, чтобы отправиться искать себе иное, не столь шаткое убежище.

И все равно мой обшаривающий окрестности взор то и дело возвращался к мрачным провалам гостиничных окон. Виной тому были ходящие по небосводу низкие тучи и пробирающийся через купол Барьера мутный свет луны. Те тучи, какие загораживал от меня отель, не исчезали полностью из моего зрения, а продолжали мелькать в оконных проемах. Отсутствие в них стекол позволяло видеть небо сквозь обе половины высотки, словно сквозь крупное сито. И когда за ними проплывало очередное облако, оно, подсвеченное луной, создавало иллюзию, что на верхних этажах гостиницы творится какая-то суеда. От окна к окну перебежали зловещие тени, как будто здание захватывали отряды неведомых мне сил. Которые,

конечно же, знали о нашем близком присутствии и теперь, заняв стратегическую высоту, поспешно рассредоточивались по огненным позициям.

Не сказать, чтобы проказы туч меня сильно нервировали, ведь я знал, чем порождена эта иллюзия. И все-таки, когда однажды мне почудилось, как сразу несколько теней пронеслись против движения облачного фронта, я был почти готов поднять тревогу, швырнув камень на порог комнаты, где дрыхли мои спутники. Доктора и Жорика это могло и не разбудить, зато спящей вполглаза Динаре такой побудки будет вполне достаточно...

Но сигнальный бульжник так и остался у меня в руке, а сон товарищей – не потревоженным. Мало ли что вдруг мне померещилось в темноте! Игра воображения – штука коварная, и если из-за каждого своего подозрения я начну бить в набат, этак нам вообще ночи напролет спать не придется. Между вокзалом и отелем не меньше полутора сотен метров. Кто бы ни бегал по этажам последнего – люди, биомехи или мои галлюцинации, – в данный момент они нам не угрожают. В противном случае они вели бы себя более осторожно и скрытно. Вот когда выйдут на привокзальную площадь, тогда посмотрим, что почем. А пока пускай дальше мельтешат себе на здоровье, как им заблагорассудится.

Звуки и тени ночной Зоны – тема для отдельного разговора. Мир техноса – не животный мир, и его жизнь не разбита на суточные циклы. Поэтому от заката до рассвета здешняя стальная фауна ведет себя так же, как днем. То есть разъезжает, разгуливает и летает по локациям, громыхая, рокоча, свистя, лязгая, скрежеща и издавая прочий нервирующий сталкеров шум. Который в итоге сливался в общий шумовой фон, напоминающий гул машиностроительного завода. А вспышки пламени и столбы пара, что вырывались из вулканических разломов, лишь усиливали подобное ощущение. Лишь росчерки лазерных трассеров да разрывы плазменных гранат и снарядов не вписывались в эту «промышленную» атмосферу. И неустанно напоминали вам, что грохот сей являет собой отзвуки отнюдь не созидательной, а разрушительной деятельности.

Чем дольше я жил в Зоне, тем больше мне казалось, что мир, где есть чистые реки, бескрайние леса, голубые океаны, заснеженные горные пики, усеянное звездами небо и нет ни одного стального чудовища – это какой-то другой мир, который однажды мне попросту приснился. Сегодня даже не верилось, что он – не сказка и существует в реальности, стоит лишь пересечь Барьер и удалиться от Пятизонья на сотню-другую километров. Однако грезить об этом чудесном мире, неся ночной караул, было неразумным занятием. Поэтому я суровым волевым усилием изгнал из головы провокационные мысли и вновь сосредоточился на наблюдении за округой.

Динара не могла карабкаться по стенам столь же лихо, как я. Ей пришлось подниматься на верхотуру по сброшенному мной оттуда альпинистскому фалу. Можно было не смотреть на часы, дабы определить, что пунктуальная питерка явилась на смену минута в минуту – ровно в час тридцать пополуночи. Взобравшись на пост, она взяла у меня маскировочную накидку и, зевнув, поинтересовалась, на что ей следует обращать особо пристальное внимание. Я не стал рассказывать ей о своих галлюцинациях, тем более что последние пару часов они меня не беспокоили. Заметил лишь, что ветер усиливается, и, значит, Динаре нелишне бы обвязаться на всякий случай страховкой. А то не ровен час еще оступится и сорвется вниз – угроза, вполне реальная даже для многоопытной следопытки.

Арабеска не стала передо мной бравировать. Вдвое укоротив привязанный к стеной арматуре фал, она послушно прикрепила другой его конец к своему поясному ремню. После чего подергала за трос, убедилась, что карабин на нем крепок, и неожиданно рассмеялась. Правда, сделала это негромко и как-то не слишком весело. На меня она при этом не глядела, а стало быть, объяснять мне причину своей загадочной усмешки ей явно не хотелось.

– В чем дело? – все же полюбопытствовал я, удивившись странной реакции Динары на вполне обычную страховочную процедуру.

– Да так, ничего особенного, – отмахнувшись, бросила питерка с неохотой. Чем подтвердила, что у нее и впрямь нет желания озвучивать свои мысли.

Я пожал плечами, не стал настаивать – не хочет, не надо – и собрался было отправиться спать. Но Арабеска опять-таки неожиданно передумала и спустя несколько секунд заявила:

– Просто забавно, как это ты и твой напарник решили не стовариваясь усадить меня сегодня каждый на свой поводок. У тебя, как видишь, это сразу получилось. А вот Джорджику повезло меньше, хотя он, конечно, очень старался...

И она снова грустно усмехнулась. Так, словно сочувствовала кавалеру и одновременно извинялась перед ним из-за постигшей его неудачи. Вот только в чем эта неудача заключалась?

– Боюсь, я все равно не понимаю, – признался я. – Жорику-то с какой стати тебя на веревку сажать? Это у вас что, такая новая любовная забава? Или у парня от буйства гормонов уже психические заскоки начались?

– Про поводок – это я, разумеется, сказала в переносном смысле, – пояснила Динара, усаживаясь за обломок стены и устремляя взор вдаль. Однако мысли ее, похоже, витали совсем в другой области. – Вчера после ужина, когда Тиберий завалился спать, Джорджик отвел меня в сторону и сделал мне предложение... Ну, ты догадываешься, какое. То самое, которое свободлюбивые женщины вроде меня и воспринимают как наброшенный на шею поводок. Давно подозревала, что у Джорджика язык чешется ляпнуть мне что-то подобное. Но я полагала, что пока мы не разберемся с «Альтитудой», у него хватит ума воздержаться от своих признаний... Не хватило – не воздержался. Хотя это в его стиле: еще больше усложнить дела там, где и без него проблем выше крыши.

– Проклятие! Только этого нам сейчас не хватало! – выругался я. И, передумав спускаться со стены, присел рядом со следопыткой. Но вместо того чтобы порадоваться благородству напарника, лишь озадаченно нахмурился. – Только не говори, что ты ответила ему отказом. Черный Джордж, конечно, парень крепкий, но, боюсь, такой удар он не переживет. Особенно после того, как ты почти полгода отвечала ему взаимностью.

– Вот еще! И почему вдруг сразу отказом?! Почему я должна была так поступить с Джорджиком? Разве он это заслужил? – встрепенулась питерка и впервые с начала нашего разговора посмотрела на меня. Помимо удивления в ее голосе также звучала обида.

Я сделал неприятный для себя вывод: отношения Динары и Жорика зашли гораздо дальше, чем мне казалось. Настолько далеко, что в них успел увязнуть не только простак Дюймовый, но и тертая шельма Арабеска. И теперь при их разрыве грозило разбиться уже не одно сердце, а сразу два. Что, сами понимаете, плохо. Везде, где есть разбитые сердца, всегда полным полно лишних проблем. Причем таких, какие возникают буквально на ровном месте и могут на корню разрушить даже сплоченную коалицию вроде нашей.

Любопытно, что же такого уникального было в недотепе Жорике и не было в грозном рыцаре Ипате – прежнем ухажере Динары, что о гибели последнего она практически не сожалела, а о чувствах первого так искренне пеклась?..

– Я сказала Джорджику, что очень тронута и что мне нужен срок для обдумывания его предложения, – продолжала следопытка, видимо, ощущая нестерпимую потребность перед кем-нибудь выговориться. – И это вовсе не отговорка, а чистейшая правда. Мне действительно необходимо время, чтобы все это обмозговать, ведь решать такие серьезные вопросы здесь и сейчас – не самая лучшая идея, верно?

Вряд ли я подходил на роль ее исповедника, но более приличной кандидатуры у Динары под рукой попросту не было. В конце концов, не перед Тиберием же ей изливать душу? У нашего ученого спутника голова забита своими мыслями и планами. Настолько эпохальными и грандиозными, что рядом с ними личные проблемы Арабески покажутся Свистунову просто смехотворными.

– Прежде я никогда не наблюдал у тебя тяги к подобным рефлексиям, – заметил я, сменив тон с раздражительного на сочувственный. – И вообще понятия не имел, что такая девушка, как ты, на это способна. Неужто Керченские казематы на тебя так повлияли?

– Вполне возможно, – не стала отрицать Динара, пробывшая, как и мы с Дюймовым, почти всю минувшую зиму узницей «Светоча». – По крайней мере хоть в одном польза от той тюрьмы оказалась. В камере у меня была уйма свободного времени, чтобы хорошенько поразмыслить о собственной жизни...

– Да уж, – пробормотал я и поежился, припомнив собственный, более жесткий тюремный режим.

– ...Вот с тех пор, видимо, я и стала такой рассудительной, – заключила Арабеска. – Каждый свой поступок, какой начиная со школьных лет отложился в памяти, дотошно обдумала. Так, будто сама над собой судебный процесс проводила, честное слово. И пришла в итоге к неутешительному выводу, что пора бы мне со сталкерством завязывать. К тому же безногий Мерлин постоянно перед глазами маячит, будто наваждение. Ясно, что не к добру это и что второй шанс одуматься судьба мне вряд ли предоставит. В общем, доделаю все дела, раздам долги, а потом, пока не поздно, выйду из игры, здоровье у Семена в клинике поправлю и махну на юг, где открою какой-нибудь маленький бизнес. Денег я скопила достаточно, а если не хватит, книгу о своих похождениях в Зоне накопаю. Скандальную, разумеется, с кучей интимных подробностей, когда и с кем я тут шашни крутила... Обо всех напишу: о Мерлине, об Ипате, о тебе, пусть даже у нас с тобой ничего не сложилось, о прочих своих воздыхателях... А как иначе? Другие-то мемуары задорого не продашь, а за такими ко мне журналисты сами в очередь выстроятся.

– Прекрасно тебя понимаю, – кивнул я. – Похвальный, взрослый выбор. Отрадно, что ты дошла до него собственным умом... Только вот при чем здесь Черный Джордж? Зачем тебе было охмурять этого простака, который моментально втрескался в тебя по уши, если ты твердо надумала бросить Зону и податься на юга?

– А ты не догадываешься? Ведь тут нет совершенно никакой тайны, – снисходительно усмехнулась Динара.

Я не нашелся что ответить, и лишь молча развел руками. Арабеска сокрушенно покачала головой, но до объяснения все-таки снизошла:

– Все женщины мечтают встретить когда-нибудь идеального мужчину. Мужчину своей мечты. И я – отнюдь не исключение. Вот только я не из тех наивных барышень, которые сидят и ждут, когда к ним прискачет их принц на белом коне. Динара – девушка не гордая, она сама запросто к своему принцу без лишних церемоний на порог заявится. А потом, если меня взашей не выгонят, я и принца до нужной кондиции облагорожу, и коня ему в подходящий цвет перекрашу. Каждый сам кузнец своего счастья, разве не так?

– И ты что, всерьез намерена выковать из Жорика свой идеал женского счастья? Ты – человек, который разбирается в людях, пожалуй, лучше самого Мерлина? Не слишком ли неподходящий металл ты выбрала для такой судьбоноснойковки? Положим, он и впрямь благородный – и по поступкам, и по происхождению. Но вот остальные его параметры... как бы это помягче выразиться... Удовлетворяют ли они кузнеца, который волнуется о качестве своего изделия?

– Ипат и Мерлин – вот из кого я никогда своего принца не сотворила бы, – призналась питерка. – Потому что это сталь совсем иного порядка. Крепкая, закаленная, несгибаемая, тугоплавкая... Но, увы, совершенно не ковкая, как ты ее ни нагревай и каким молотом по ней ни бей. Ты, Гена, – материал более податливый, но с тобой возникли бы иные трудности. Во-первых, для отлива из тебя нужного изделия мне потребовалась бы чересчур сложная форма, и нет гарантии, что ты согласился бы ее принять. А во-вторых, на тебе уже выбито

клеймо другого кузнеца, чью работу мне вряд ли улучшить, а вот испортить – легко. Чего мне из уважения к чужому труду делать совсем не хочется...

– Ишь ты какая специалистка! – подивился я, впервые в жизни слыша о себе столь поэтическую и, надо признать, меткую характеристику.

– ...Зато Джорджик – болванка, безупречная во всех отношениях. У него есть гордость и принципы, а значит, эта сталь достаточно крепка и надежна. И в то же время она гибкая настолько, что любой толковый кузнец счел бы ее настоящей находкой. Я могу без особых усилий перековать Джорджика из недотепы в тот тип мужчины, какой мне необходим. Тут главное – не перестараться с закалкой и не дать металлу стать хрупким, поскольку тогда ничего, кроме жалкого подкаблучника, из этого парня не выйдет. Но подкаблучник мне даром не нужен. Мне нужен тот, на чье плечо я всегда могла бы опереться. Не сегодня, не завтра и не через год, а *всегда*, понимаешь? То есть даже тогда, когда в этом мире у меня не останется, кроме Джорджика, ни единой опоры. А он, при всех своих нынешних недостатках, человек именно такой редкой породы. Впрочем, кому я об этом рассказываю? Разве стал бы ты – самый мнительный из всех типов, какие только бродят по Зоне, – брать в напарники сталкера, к которому испытывал хотя бы малейшее недоверие?

Крыть эту карту мне было нечем. И потому оставалось лишь признать: да, в плане преданности товарища лучше Дюймового сыскать трудно. И тот факт, что он упрямо не позволял мне отговорить его от участия в сегодняшнем походе, лишний раз об этом свидетельствовал.

– Люблю ли я по-настоящему Джорджика или нет? Даже не знаю, – проговорила Арабеска, предугадав вопрос, который я ей еще не задал. – Вот Ипата я точно любила, тут спорить нечего. Первое время и вовсе любила аж до умопомрачения. Предложи он мне тогда вступить в Орден, клянусь, я без раздумий так и сделала бы. Но Ипат мне этого никогда не предлагал. Он чувствовал, что в Священном Узле с его порядками мне придется тяжело. Ипат поступил благородно, не став лишать меня свободы. Даже тогда, когда я была готова ради него порвать с Питерцами и добровольно присягнуть орденскому гербу. Однако сам Ипат выйти из Ордена был не в состоянии, даже умоляй я его об этом, ползая перед ним на коленях. Рыцарские идеалы стояли для него превыше наших отношений, и в итоге наш роман завершился так, как он должен был завершиться. Буйство гормонов улеглось, страсть утасла, и остались лишь двое обычных, ничем не обязанных друг другу любовников. Да и те вскоре разбежались по своим делам, поскольку жили, по сути, в двух разных мирах, даром что под одним Барьером... С Мерлином – примерно та же история. Только ему приходилось делить меня не с Орденом, а уже со всем Человечеством, которому он беззаветно служил. Глупому Джорджику далеко и до Ипата, и до Мерлина. Зато мы дышим с ним одним воздухом – воздухом свободы – и ходим по одной земле одними тропами. Чтобы быть вместе, нам не надо идти на компромиссы с собственной совестью и поступаться ради друг друга принципами. Я позову Джорджика, и он с радостью побежит за мной хоть на край света. Или как в Новосибирске: примчится мне на выручку с другого края света, не разрываясь при этом между мной и дурацким долгом перед Орденом или Человечеством. Ну разве не здорово? Разве не о таком самоотверженном принце мечтает каждая женщина? И то, что он при этом наивен и чуть глуповат, сущие пустяки. Разум – дело наживное. Если я увезу Джорджика с собой на юг и всерьез возьмусь за этого парня, ручаюсь, через год ты его, поумневшего и остепенившегося, совсем не узнаешь. И тебе никогда больше не придет в голову над ним насмехаться.

– Сделай так, и я буду у тебя за это в неоплатном долгу, – совершенно серьезно сказал я, склонив голову в знак признательности. – Ты права: я не сумел выпроводить Жорика из Зоны, но у тебя это наверняка получится. И раз уж вы упорно отказываетесь проваливать отсюда прямо сейчас, обещаю: я постараюсь, чтобы в будущем вы оба пересекли Барьер целыми и невредимыми, чем бы вся эта история ни закончилась...

Глава 2

Чем завершится наш крестовый поход на «Альтитуду», не мог знать никто. Но активные события в нем начали происходить раньше, нежели нам того хотелось. Не прошло и двух часов после нашего с Динарой ночного разговора, как мы угодили в очередной переплет. И весьма серьезный. По крайней мере мы не вляпывались ни во что подобное с тех пор, как смогли унести ноги из Новосибирска.

Наш условный сигнал тревоги, как вы помните, подавался при помощи камня, бросаемого дозорным на порог комнаты, где мы расположились на ночлег. Мой сон столь же чуток, как сон нашей следопытки. Так что заметь она опасность и швырни булыжник, я вскочил бы на ноги еще до того, как стих вызванный им грохот. Вскочил бы и поднял остальных. После чего все мы вмиг разбежались бы по боевым постам и лишь потом выяснили у Динары, какую угрозу она засекла.

Однако тревожный сигнал, что прозвучал за час до рассвета, был не тем, о котором мы договаривались. Да и сигналом он мне поначалу совсем не показался. Вместо стука упавшего камня я был разбужен длинной очередью «карташа» и ударами пуль, впивающихся снаружи в стену комнаты. Впрочем, когда я, подорвавшись с одеяла, засел у двери и держал наготове свой компактный дробовик, никто по нам уже не стрелял. Очередь отгремела, но другие выстрелы ей вслед не раздались. Как не были слышны и прочие подозрительные звуки. Лишь в руинах вокзала шумел ветер, да от изрешеченной пулями стены отваливались куски кирпичной кладки.

И ни криков, ни топота, ни мелькающих во мраке теней тех ублюдков, которые обстреляли нас в ночи пока неясно, с какими целями!

В отсутствие последних ничего плохого не было. Напротив, открыв раньше времени огонь и промешкав со штурмом, враги утратили фактор внезапности и усложнили себе задачу; судя по всему, нас атаковали малоопытные, пугливые бандиты, а не чистильщики или Орден. А вот подозрительное молчание Динары настораживало. Похоже, что стреляли все-таки не наугад, а по ней. И похоже, не промахнулись...

Кричать «Подъем!» не имело смысла. Короткий обстрел успел разбудить и Жорика, и Тиберия. Пока я прислушивался и вглядывался во мрак своим алмазным оком, они также вскочили с одеял, схватили оружие и припали к стене по другую сторону дверного проема. Но расслаживаться здесь не следовало. Один меткий бросок плазменной гранаты, и мы, не успев выскочить, тут же дружно обратимся в пепел...

– По местам! – скомандовал я и первым покинул комнату. После чего, пригибаясь, метнулся к своей огневой позиции. Она находилась у фасадной стены, аккуратно под наблюдательным постом Динары. Соратникам, согласно договору, предписывалось удерживать противоположный край обороны. Туда они без пререканий и устремились, едва я подстегнул их к действию собственным примером. Дюймовый еще не сообразил спросонок, что с Динарой стряслось неладное, и это играло нам на руку. Я боялся даже представить, что с ним случится, когда он увидит тело своей пассии. Но было совершенно очевидно, что при этом Черный Джордж утратит рассудок и перестанет подчиняться приказам.

Никто не обстрелял нас при выходе на огневые рубежи. Ага, значит, неизвестный противник не видел, что происходит внутри вокзала. Ну что ж, пусть теперь приближается – милости просим! Позиции у нас хорошие, укрепленные. Их в свое время бойцы самого Мерлина оборудовали, и подобраться к вокзалу незамеченным трудно даже во мраке. А когда начнет светать, врагам и подавно не подойти сюда без потерь.

Вот только что делать с Динарой, если она вдруг не мертва, а лишь ранена? Снять ее со стены так, чтобы самому не угодить под выстрелы, практически нереально. Но и не

попытаться оказать ей помощь мы тоже не могли. И как врагу удалось рассекретить укрытие следопытки, да еще издали? Видимо, не так уж малоопытен и пуглив, каким показался мне в первые минуты нашего столкновения.

Эх, жаль, оружие у меня не очень-то пригодное для позиционной войны! Допотопный помповый дробовик «Ультимар»: короткоствольный, пятизарядный и плохо подходящий для расстрела облаченных в доспехи сталкеров. Но тут виноват уже не я, а скудный ассортимент Обочины. Купить на ней старое пороховое оружие – а современное, вы ведь помните, в моих руках быстро выходит из строя, – с каждым годом становится все сложнее. Вот и при последнем визите на рынок мои доверенные лица Динара и Жорик приобрели антикварный «ствол», что был в наличии, а не тот, каким я хотел бы разжиться. А поскольку в наличии у тамошних торговцев в тот день обнаружилось лишь «Ультимар», пулемет «Миними», «М-16» и пара стареньких «Калашниковых», пришлось выбирать оружие, с каким мне будет сподручнее всего заниматься верхолазанием. Которым я – вы ведь и этого не забыли, правда? – владею в совершенстве благодаря своему аномальному энергетическому симбионту, по милости которого я и получил прозвище Алмазный Мангуст.

Зато патронов к «Ультимару» и старых осколочных гранат у меня полно. Последние и компенсируют недостаточную огневую мощь моей «пушки». Эти грозные раритеты подорвут не только местного бандита, но и облаченного в современные доспехи чистильщика. Тем более что я сижу в крепкостенном укрытии и мне нет нужды метать гранаты чересчур далеко.

Выложив перед собой три потертые и, как хотелось надеяться, исправные лимонки, я обернулся и удостоверился, что товарищи также готовы к обороне. А затем устроился так, чтобы не маячить на виду и в то же время держать под контролем привокзальную площадь. И только после этого прислушался к тому, что происходит у меня над головой, на дозорном посту. Мертвецы не издают звуков, но раненый так или иначе не сможет лежать без стонов и не корчась от боли. Ну, если, конечно, он при этом не контужен или не впал в кому.

Звуки сверху доносились, и довольно отчетливые. Правда, они не походили на те звуки, какие я ожидал услышать. Это были не стоны и не возня, а скрежет металла о камень. Негромкий, ритмичный и какой-то подозрительно неспешный – как будто Динара не страдала от ран, а лениво выцарапывала на стене рисунок или надпись.

Увидеть отсюда дозорный пост было невозможно, но я все равно задрал голову и всмотрелся в темноту. И вздрогнул, когда вдруг обнаружил, что Арабеска находится не на вершине стены, а... всего лишь в пяти метрах надо мной!

Прицепленная за пояс к страховочному фалу, она висела на нем горизонтально, лицом вниз. Ее конечности, очевидно, свела судорога, поскольку в правой руке питерка все еще сжимала «карташ». Он и издавал привлекавшие мое внимание звуки, скребя прикладом о карниз по мере того, как Динара покачивалась на тросе. Но эти мерные, затухающие колебания были вызваны ее падением со стены, а не попытками отцепиться от фала. Таковых попыток и не предпринималось – наша дозорная не подавала ни малейших признаков жизни.

– Эй! – окликнул я ее громким шепотом. – Эй, Динара! Ты меня слышишь? Как ты там? Куда тебя ранили? Да отзовись же, эй!..

Ни ответа, ни стона, ни даже намек на таковой...

Чертыхнувшись, я поводит ладонью над головой, намереваясь поймать капающую сверху кровь. Однако не обнаружил и ее. Хотя это еще ни о чем не говорит. В теле Арабески имеются кровоостанавливающие импланты, которые при ранениях автоматически пережимали и сшивали разорванные сосуды. Очень полезные сталкерские примочки. Но от них нет проку, если пуля убивает их носителя мгновенно или наносит ему слишком тяжкие, несовместимые с жизнью повреждения.

Я невольно отметил, каким образом Динара удерживает автомат: за рукоять. А указательный палец следопытки, кажется, лежит на спусковом сенсоре. Очевидно, в последний момент она все же заметила опасность и схватила оружие, но воспользоваться им ей не удалось.

Или удалось?.. Пойдите-ка! А не Арабеска ли это, случаем, перебудила нас выстрелами? Судя по тому, куда направлен ствол ее «карташа» – вполне возможно. То, что атаковало Арабеску и сбросило ее со стены, не вырубил ее сразу. За миг до того, как лишиться чувств, она, повиснув на тросе, все же смогла подать сигнал тревоги. И, успев расстрелять автоматный магазин в стену, отключилась.

Или все-таки погибла?

Выяснить это наверняка можно было одним способом: взобраться на дозорную площадку, отвязать фал от арматуры и, стравливая его вниз, опустить Динару к подножию стены. Задача не особо сложная. Но ради этого мне придется на несколько минут оставить пост.

Я вновь обвел пристальным взглядом площадь: никого. Пожалуй, нужно рискнуть. Тем более пока я буду возиться с тросом, по-прежнему смогу не выпускать из виду подступы к вокзалу. Главное, держать ушки на макушке и помнить: сейчас наверху гораздо опаснее, чем внизу, где враг еще до нас не дотянулся.

Забросив за спину «Ультимар» и подобрав слетевшую с Динары маскировочную сетку, я вскарабкался уже знакомым мне маршрутом на наш высотный пост. После чего, практически слившись со стеной, попытался вычислить затаившегося снаружи противника.

Тщетно. Видит ли он, в свою очередь, меня? Это можно проверить. Скрутив сетку в рулончик, я взялся понемногу высовывать его край то с одной стороны мезонина, то с другой. Так, будто я потерял терпение и, привстав на ноги, стал перемещаться туда-сюда, чтобы получше осмотреться.

Противник на провокацию не поддался. Хотя поразить мелкую цель, которой я его дразнил, он теоретически мог – попал ведь он каким-то образом в прятавшуюся питерку? Ну что ж, раз такое дело, значит, займусь ею. Надеюсь, моя помощь не запоздала, и мы еще в силах ее спасти...

Я отвязал верхний конец фала, но отматывать его от арматуры не стал. Ей еще предстояло сыграть роль блочного устройства, которое облегчит мне труд: позволит в одиночку удержать Арабеску на весу и плавно опустить ее на землю. Я уселся на пол и, упершись ногами в стену, начал понемногу стравливать выскальзывающий из рук трос. Даже с доспехами следопытка весила не более семидесяти килограммов. Так что дело у меня пошло споро и не грозило затянуться надолго.

Впрочем, не затянулось оно совсем по иной причине.

Все, что произошло потом, шло уже вразрез с моими планами, пускай и было в принципе предсказуемо. Я всячески оттягивал момент, когда до Черного Джорджа дойдет горькая правда, но он все равно узнал о судьбе подруги раньше, чем мне того хотелось бы. Узнал и, разумеется, тут же утратил рассудок.

Заметив над главным входом какое-то копошение, Дюймовый присмотрелся и безошибочно опознал во мраке болтающуюся на тросе Арабеску. Ее неподвижная и неестественная поза вмиг навела на нужную догадку даже такого тугодума, как Жорик.

– Динара! – надрывно вскричал он. И, оставив позицию, бросился к опускаемому мной на землю телу его пассии.

Однако, едва он достиг центра зала, как что-то молниеносное врезалось ему в нагрудные доспехи и, прилипнув к ним, сверкнуло неяркой красной вспышкой. Вместе с этим до моих ушей долетел звук, похожий на сдержанное чихание, донесшееся словно из жестяной бочки: «С-с-чхин-н-нь!»

Несмотря на приглушенные звук и свет, которые испустил снаряд, его удар при попадании в цель был практически сравним с пулевым. Бегущего Жорика отшвырнуло на несколько шагов назад, и он, задрав ноги, грохнулся навзничь на грязный бетонный пол.

С-с-чхин-н-нь!..

Второй выстрел, сделанный неизвестным врагом из неизвестного мне оружия, должен был угодить в меня. И угодил бы, не встрепенись я после первого «чиха» и не выпусти от неожиданности Динарин трос.

От усилия, с каким я его держал, когда он выскользнул из моих пальцев, я резко откинулся назад и упал спиной на дозорную площадку. Это меня и спасло. Снаряд просвистел над моим лицом и врезался в стену мезонина, в которую я упирался ногами. Вновь сверкнула бледная красная вспышка. От снаряда – черного цилиндрика величиной со стопку – во все стороны разбежались короткие красные молнии, после чего он так и остался торчать в кирпиче, не то вонзившись в него, не то вплавившись.

Любопытная дрянь. Слишком сложная для быстрого убийства, осуществить которое было бы куда проще обыкновенной пулей. Но тарашиться на разрядившийся цилиндрик мне было некогда. Упав на спину, я, не вставая, тут же откатился к краю площадки и залег за торчащим из стены обломком потолочной балки. Он являл собой нечто вроде невысокого бортика и мог на короткое время дать мне укрытие.

Думать о Жорике и об Арабеске, которая по моей милости грохнулась ниц с двухметровой высоты, означало терять понапрасну время. Вместо этого я чуть высунулся из-за балки, быстро окинул взором вокзальные стены и в следующую секунду скрылся обратно. Разглядеть многое за этот миг было, конечно, нельзя. Но я видел, откуда прилетел снаряд, и потому знал, куда именно смотреть.

С этого направления мы точно не ждали нападения. По крайней мере нападения врагов, которые передвигаются по земле. Для них было практически невыполнимой задачей прорваться сюда с флангов. Разрушенные правое и левое крылья вокзала превратились в непреодолимые завалы. В них завязли бы даже паукообразные боты-штурмовики – самые вездеходные представители сухопутного техноса. Вдобавок там, скорее всего, встречались ловушки, чья аномальная энергия также поспособствовала формированию курганов из глыб и арматуры. Но даже если бы кому-то из сталкеров или биомехов удалось преодолеть эти нагромождения, перед ними встали бы финальные препятствия – боковые стены главного зала. Все сквозные проходы в них были завалены обломками, и у нападающих, помимо отступления, осталось бы два пути: перелезть через десятиметровые барьеры или взорвать их. Оба этих варианта выглядели слишком опасными и трудоемкими в сравнении с обычными, грамотно скоординированными атаками, какие можно было бы провести одновременно с площади и от железной дороги.

Наши новые противники – я успел насчитать двоих – похоже, не искали в жизни легких путей. Преодолев впотьмах завалы правого крыла, они взобрались на стену главного зала, откуда и взялись обстреливать нас из своих странных винтовок. Немудрено, что им удалось перехитрить Динару, ожидавшую нападения оттуда в последнюю очередь. Чтобы ее подстрелить, снайперу было достаточно закрепиться у вершины стены, высунуться из-за нее, засечь нашего дозорного, прицелиться и нажать на спуск. После чего этим мерзавцам оставалось лишь спуститься по тросам в зал и захватить нас, спящих, врасплох.

Этого не случилось, что, надо полагать, было заслугой Арабески. Дав предупредительную очередь, она попросту вспугнула противника. Дабы не угодить под наши пули при спуске, он предпочел вновь спрятаться за стеной и выждать. И когда тревога улеглась, а мы решили, что враг отказался от нападения, тогда-то он и напомнил о себе повторно.

Один из замеченных мной негодяев уже вылез на вершину стены и, присев на одно колено, нацелил оружие на мое укрытие. Это он подстрелил Жорика и едва не прищучил

меня, поскольку его товарищ еще только выбирался к нему на позицию. Больше ничья башка над преградой не торчала, и я сделал вывод, что ублюдков всего двое. Жаль, у меня не было времени получше их рассмотреть. Но даже за то мгновение, что я их видел, удалось понять: экипировка этих парней столь же странная, как их винтовки.

Я не носил сталкерские доспехи, поскольку они мешали мне заниматься верхолазанием. Мои нынешние противники, очевидно, не пользовались ими по той же причине. На их гибких, сухощавых фигурах были надеты усиленные защитными пластинами эластичные комбинезоны, немного похожие на водолазные. Которые, должно быть, были не только прочными, но и достаточно легкими, чтобы прыгать в них ночью по завалам. Шлемов у врагов не имелось. Их роль выполняли комбинезонные капюшоны с пристегнутыми к ним масками, закрывающими нижнюю половину лица. Верхние половины, покрытые камуфляжным кремом, сливались по цвету с одеждой. Поэтому даже днем я вряд ли сумел бы толком рассмотреть и запомнить физиономии этих гадов.

Слишком профессионально экипированы они для обычных бандитов, что ни говори. Да и подготовлены отменно: мыслят нетривиально, не боятся действовать ночью и способны наносить по-настоящему коварные удары. На кого они работают, хотелось бы узнать? Но не сейчас – позже. Сначала надо выяснить кое-что другое: знают ли эти хитрецы, с кем имеют дело. И если да, насколько они подготовились к нашей недружеской встрече.

В отличие от фасадной стены, на которой находился я, боковая была заметно уже. Ее верхний край после обрушения крыши представлял собой ломаную линию, подобную графику акционерных котировок во время биржевых лихорадок. Перелезть через такой зубчатый барьер было возможно. Но вот передвигаться по его вершине прыжками умел лишь один из известных мне обитателей Пятизонья – ваш покорный слуга. Мой энергетический симбионт (или, по версии доктора Свистунова, – аномальная аллергия) наделял меня достаточной силой и ловкостью. За счет чего он выживал сам и позволял выживать мне – своему бессменному носителю. И сейчас сложился весьма благоприятный момент для того, чтобы воспользоваться моим тактическим превосходством и контратаковать противника по всем правилам военного искусства – на «переправе».

Какими бы матерыми спецами ни были эти двое, им требовалось как минимум полминуты, чтобы перецепить кошки и перебросить фалы для спуска по внутренней поверхности стены. Все это время верхолазам приходилось балансировать на узкой, неровной опоре. Причем со спусковыми устройствами возился лишь один из них. А второй был вынужден его прикрывать, поскольку сразу оба не рискнули поворачиваться ко мне спинами.

Прежде чем приступить к делу, они обстреляли мое укрытие, дабы отбить у меня желание высовываться. На сей раз огонь велся обычными пулями. По тому, как быстро враги сменили его режим, я смекнул, что они вооружены компактными штурмовыми комплексами типа «ИПП плюс мини-картечьница (ракетница, лазерный пульсатор, парализатор и т. п.)». Все до единого выстрелы угодили в борт, за которым я прятался, хотя тот был невысок – едва скрывал меня, лежащего на животе. Ни одна очередь не прошла выше. О чем это говорит помимо того, что противники – хорошие стрелки? О том, что они старались не попасть в стену рядом со мной, поскольку срикошетившая от нее пуля могла меня зацепить. Планируй они заполучить мой труп, к чему, спрашивается, им сдалась бы такая меткость?

Впрочем, нежелание этой парочки убивать нас не было чем-то из ряда вон выходящим. Егеря Ковчега, ищущие биологический материал для своих исследований; рыцари Ордена, пополняющие свои ряды поработанными вольными сталкерами; наемники, поставляющие живой товар и тем и другим... Кто из них выследил нашу компанию, не имело значения. И уж тем более это не обязывало меня проявлять к охотникам за нашими головами ответный гуманизм.

Перекатившись на спину, я приподнял «Ультимар», положил его стволом на бортик, навел его примерно туда, откуда летели пули и, едва огонь стих, дал, не глядя, подряд два выстрела картечью. Расстояние до ублюдков было невелико, и я расслышал, куда попал. Звук, что издает дробь при попадании в кирпичную стену и в защитные пластины доспехов, заметно различается. По крайней мере один мой заряд достиг цели. Вскочив на колени, я моментально определил, кого из противников зацепил первыми выстрелами, после чего выпалил в того верхолаза, которому от меня покамест ничего не перепало...

Как отмечалось мной ранее, стрелковое оружие полувековой давности уступает импульсному по убойности и практичности. Зато психологический эффект, какой оно производит на жертву, даже если вы промазали, равносителен легкой контузии. Те нынешние вояки, которые в буквальном смысле никогда не нюхали пороха – и тем паче не слышали, как он взрывается, – реагируют на выстрел порохового патрона одинаково: впадают в кратковременное замешательство. Особенно когда этот выстрел произведен по ним.

Головорезы, с которыми я столкнулся, были опытными, носили современную амуницию, и я не надеялся уложить их наповал с двадцати шагов из короткоствольного дробовика. Однако патрон двенадцатого калибра – это вам не новогодняя петарда. И коли он рывкнул в вашу сторону, равнодушным он вас не оставит. Уж поверьте, будь вы хоть обвешанным с головы до пят медалями ветераном дюжины войн.

Первый ошарашенный мной из «Ультимара» мерзавец схлопотал не весь заряд картечи, а от силы его треть. Поэтому и устоял на ногах, разве что покачнулся, но успел вовремя схватиться за стенной выступ.

Второму негодяю, которого я обстрелял уже не наугад, повезло меньше. Он едва успел присесть, намереваясь заняться фалами, как по нему тут же хлестанула свинцовая россыпь. Рассеяться на таком расстоянии картечины еще не могли и уложились в цель на загляденье кучно.

Заряд дроби отбросил противника назад, как будто ему с размаху вlepили по груди молотом. Попробуй-ка тут сохранить равновесие на опоре шириной в полметра! Подстреленный враг, всплеснув руками, сорвался со стены и скрылся с моих глаз, не успев я загнать в патронник новый патрон. Щелчок помпового механизма и глухой стук упавшего тела, которое, что любопытно, при этом героически молчало, прозвучали почти одновременно. Но радоваться некогда. Меня уже искал луч целеуказателя ИПП другого стрелка, и задерживаться на одном месте мне было нельзя.

После такого отпора любой охотник за головами без колебаний превратил бы потенциальный живой товар в уже не столь прибыльный мертвый. Но эти молчаливые ублюдки являли собой образец профессиональной выдержки и хладнокровия. Вместо ожидаемой мной автоматной очереди опять раздалось «чихание», и в меня полетел новый цилиндрик, заряженный неизвестной мне энергией – судя по всему, не смертельной, а просто парализующей. Что, разумеется, не умаляло нависшую над нами угрозу, ибо вот уже пять лет несвобода и смерть являлись для меня синонимами.

Противник стрелял навскидку, да к тому же одной рукой, поскольку второй он все еще держался за выступ. Не лучшие условия для поражения быстро движущейся цели, в которую я преобразился мгновением раньше. Или, точнее, цели, резво скачущей по фасадной стене в контратаку.

Снаряд торопливого охотника просвистел примерно в метре надо мной и унесся в темноту. Я же и не думал больше таиться. Мой патронташ лежал внизу вместе с гранатами, а в подствольном магазине «Ультимара» оставалось лишь два патрона. И расстреливать их следовало с умом. Ведь в случае промаха я окажусь от врага на невыгодной мне дистанции, не имея шанса ни выстрелить в него, ни дотянуться до него ножом, ни улизнуть от его снарядов.

Попасть в противника, сигая с одного зубчатого выступа на другой, задача не из легких. Впрочем, сейчас моя стрельба необязательно должна быть меткой. Удастся хотя бы сбить противнику прицел и не дать поразить меня на подходе – значит, можно считать, полдела сделано.

Бах!

С-с-чхин-н-нь!

Очередной обмен любезностями. Два промаха. Но если мой враг этим раздосадован, то меня такой расклад вполне устраивает.

Все мое внимание сосредоточено на стенных зубцах, по которым я скачу, словно двуногий архар. Еще слишком темно, чтобы полагаться при такой акробатике на обычное зрение. Но алмаз в моей левой глазнице – один из семи аномальных сгустков, что испещряют мое тело, – видит во мраке контуры окружающих меня объектов. Включая все нужные мне выступы. Жаль, мои глаза не вращаются автономно один от другого, будто у хамелеона. Приходится следить за врагом боковым зрением. И им же – целиться. Но жать на спусковой крючок я повременю. В ушах у противника еще звенит грохот моего последнего выстрела. Поэтому рановато делать ему очередной впрыск адреналина, когда он не отошел от предыдущего.

С-с-чхин-н-нь!

Проклятый сукин сын!.. А он парень не промах... слава богу, пока лишь в фигуральном смысле. Не паникует, хотя в магазине его пушки также осталось не больше двух-трех шоковых снарядов. Я перепрыгнул на очередной зубец, и именно в эту секунду вражеское оружие «чихнуло». Выпущенный им цилиндрок пронесся настолько близко от меня, что я даже мельком заметил разгорающееся в нем красное свечение.

Все ясно: стрелок старается предугадать, куда именно я прыгну, и бьет на опережение. Чтобы подойти к нему достаточно близко, мне предстоит пробежать еще по трем-четырем выступам. Но если противника не подведет глазомер и его рука не дрогнет, он достанет меня уже следующим выстрелом!

С-с-чхин-н-нь!..

Глазомер у ублюдка отменный. И руки у него растут из правильного места. Он стреляет аккуратно туда, куда нужно, и в нужный момент. Даже если это заслуга вживленного во вражью башку тактического импланта, он выдал своему носителю верную информацию, правильно рассчитав скорость и траекторию моего передвижения.

В одном ошибся стрелок: в том, что на сей раз я сиганул не на вершину зубца, а во впадину, через которую вроде бы намеревался перемахнуть. Снаряд пронесся там, где я должен был сейчас теоретически находиться, но практически отсутствовал. Впрочем, отсутствовал крайне недолго. Обойти препятствие справа или слева я не мог, и мне в любом случае предстояло преодолевать его поверху. И сделать это было необходимо до того, как враг поймет, что опять промазал, и подготовится к очередному выстрелу.

Израсходованный им зазря снаряд еще не упал на площадь, а я уже вскочил на выступ. В дробовике оставался последний патрон, и истратить его следовало так, чтобы мне не было потом мучительно больно за бесцельно выпущенную картечь...

Бах-с-чхин-нь-ГРАКХ!!!

Произошло то, чего я больше всего опасаясь. Противник мгновенно осознал свой просчет, предугадал мои действия и повторно нажал на спусковой сенсор. Причем нажал тогда же, когда я спустил курок «Ультимара». Вражеский автомат все еще нацелен на верхушку выступа, и у меня нет ни единого шанса разминуться с мчащимся мне навстречу снарядом...

... Чего опять-таки не происходит!

Едва вылетев из ствола, цилиндрок напоролся на картечь и разорвался с оглушительным треском где-то на полпути между нами. В воздухе вспыхнул и тут же погас клубок из

длинных красных молний. Увернуться от них не удастся никому из нас. Куда при этом попал свинец, я уже не вижу. Но если он не испарился при взрыве, значит, помимо энергетического удара, мой враг заработал еще и дробовой.

Нет, назвать это полноценным энергетическим ударом все-таки нельзя. Точнее, он вообще не похож на удар. Молниевые плети стегают меня, и не успеваю я испугаться, как все мои конечности наливаются тяжестью, будто воздух вокруг вдруг в одно мгновение превратился в прозрачный кисель. Что, разумеется, всего лишь иллюзия. Это не воздух загустел, а все мои мускулы охватила предательская скованность. Они по-прежнему подчиняются головному мозгу, но исполняют его приказы с такой неохотой, что иначе как мышечной забастовкой это назвать нельзя. Мое тело движется по инерции вперед, но ноги за ним больше не поспевают. Сделав три шага, я валюсь ниц, выронив в падении отныне бесполезный дробовик и выставив руки перед собой, дабы не разбить лицо о кирпичи...

Краем глаза я заметил, что мой противник испытывает те же проблемы, только упал он не вперед, а назад. Но сейчас меня беспокоил не он. Как в таком заторможенном состоянии мне удержать равновесие и не навернуться вниз? Задача, которая обычно не отняла бы у меня сил, теперь кажется столь же неосуществимой, как покорение Эвереста. Мне удалось кое-как ухватиться за край вершины, пока мое тело неминуемо сползло со стены. Помешать этому я уже не мог и в итоге оказался в незавидном положении: повис вниз ногами над главным залом и не мог подтянуться, чтобы вытащить себя обратно на стену.

Радовало то, что я уцепился за нее достаточно крепко. По крайней мере в ближайшие минуту-две не сорвусь, это точно. Но что потом? Если за это время ко мне не вернется подвижность, я все равно упаду и переломаю себе ноги. Или сверну шею – смотря как меня угораздит приземлиться. Окликнуть Тиберию? Но чем эта сильная умом, но не телом ученая крыса сумеет мне помочь? И что он вообще сейчас делает, хотелось бы знать?..

Все ясно: я напоролся на неполноценный заряд парализующей энергии. Но вот насколько неполноценный? Поди определи! Никакого облегчения я не замечал. Скорее наоборот, чем дальше, тем конечности тяжелели все больше и больше. Или мои руки-ноги всего лишь затекают от усталости? Но как бы то ни было, раньше они не подвели бы меня вот так сразу, без упорной борьбы.

Также угодивший под молниевый сполох да вдобавок ошарашенный картечью мой противник тем не менее ощущал себя не в пример лучше. Даже упав навзничь, он умудрился удержаться на стене. А вскоре уже сидел на ней верхом и, дотянувшись до ближайшего фала, взялся его выбирать. Вставать на ноги охотник не спешил. Судя по всему, опасался, что, встав, утратит равновесие. И все же у него хватало сил себя спасти, а вот у меня – нет. Обидно. Тем паче что правда была сейчас на моей стороне.

Вытянув трос, негодяй перебросил его через стену, но не перецепил кошку, а, зажав ее в кулаке, пополз в мою сторону. Оружие он поместил в специальный магнитный зажим на спине, из чего следовало, что стрелять в меня охотник не собирается. Или собирается, но позже – после того как поможет мне выпутаться из дерьма, в какое я вляпался.

Прицепив кошку рядом со мной и проверив, надежно ли она закреплена, враг сначала улегся на живот, развернулся поперек стены, а затем, манипулируя одними ногами, пропустил через них фал так, чтобы на него опереться. Потом, держась за стену, скатился по тросу ниже. И лишь когда смог прицепить к нему висевшую у него на поясе альпинистскую мини-лебедку, дал мне лаконичный совет:

– Не хочешь падать – спускайся за мной. И, смотри, без глупостей.

Голос у ублюдка был бесстрастным, как будто мы не стреляли только что друг в друга, а тренировались тут мирно на пару в спортивном верхолазании. Не дожидаясь ответа, он скатился по лебедке на землю и, отцепившись от фала, взял в руки оружие. Смотреть вниз мне было жутко неудобно. Поэтому я не увидел, а, скорее, почувствовал, что моя задница

находится на прицеле автомата. И что как минимум один шоковый снаряд у моего спасителя еще найдется.

Что ж, без глупостей, значит, без глупостей... Да и где взять на них силы? Дай бог ухватиться за трос и не свалиться при спуске, а про дальнейшее сопротивление не стоит даже заикаться. Что будет завтра, неизвестно, но на сегодня я свое отвоевал...

Пока я, стиснув зубы и еле-еле шевеля конечностями, перебирался на фал, внизу произошло кое-что интересное. А именно: дал о себе знать отмалчивавшийся до сего момента Зеленый Шприц.

Его огневая позиция располагалась в противоположном углу зала и была не видна со стены. Сам Свистунов также вряд ли видел охотников и забеспокоился лишь тогда, когда расслышал выстрелы. Между вражеским «чихом», что вывел из игры Дюймового, и тем, от которого не успел увернуться я, прошло около двух минут. За это время осторожный, не терпящий суеты доктор мог разве что высунуться из укрытия, осмотреться и мало-мальски разобраться что почем. И то, что после этого он не зарылся в обломки, а вступил в бой, несомненно, делало ему честь.

Впрочем, истинными причинами свистуновской отваги были, как всегда, обычный прагматизм и математический расчет. Заметь Тиберий не одного врага, а хотя бы двоих, вряд ли у него хватило бы духу показаться им на глаза.

Как и прочие члены нашей коалиции, исключая из их числа меня, Свистунов также был вооружен «карташом». Вот только стрелял он отвратно, поскольку сталкерский стаж беглого ученого не превышал и месяца. Зато один закон выживания в Зоне он усвоил хорошо: нет ничего зазорного в том, чтобы выстрелить исподтишка в более сильного врага. И вот настал час, когда доктору представился шанс опробовать это на практике и послушать, что скажет ему на сей счет его совесть. Прежде он умертвлял сталкеров лишь в стенах своей лаборатории и в сугубо научных целях. Сегодня утром Тиберий впервые в жизни готовился убить, чтобы выжить и довести до конца задуманную им авантюру.

Хорошо, что он недолго колебался. Плохо, что ему достался не просто опытный, а воистину матерый враг. Чем именно прицелившийся в него доктор себя выдал – возней, сопением или щелчком автоматного предохранителя, – я не расслышал. Но когда свистуновский палец нажал на спусковой сенсор, охотника на прежнем месте уже не было. Очередь Тиберия прошла пустоту и впилась в стену аккуратно подо мной, еще толком не прицепившимся к тросу.

Чуткий охотник, разумеется, не растворился в воздухе, а всего лишь упал за ближайший обломок; тот самый, на котором были начертаны нелицеприятные откровения об Ордене Священного Узла. Опростоволосившийся Зеленый Шприц засек, куда сбежала его цель, и не придумал ничего лучше, как обстрелять ее укрытие. Но это оказалось бесполезным занятием, поскольку плита была слишком массивной и непрошибаемой для пуль.

И все же появление на поле боя союзника давало мне пусть незначительное, но преимущество.

– Не дай ему высунуться, доктор! – прокричал я сверху, когда убедился, что убивать Свистунова охотник также не намерен. Засев за обломком, он не открыл ответный огонь из автомата, а взялся без суеты и спешки перезаряжать спаренный с ним шокер. – Сам тоже не торчи на виду! И не трать зря патроны! Стреляй, как тебя учили, ясно?!

Вместо ответа Зеленый Шприц присел за обвалившийся лестничный пролет и выпустил по позиции врага короткую очередь. Тот даже не вздрогнул, продолжая как ни в чем не бывало засовывать снаряды в специальный, не отделяемый от оружия магазин. Судя по спокойствию охотника, он был уверен в том, что контролирует ситуацию. Даже несмотря на то, что сейчас его самого – ослабевшего, подобно мне, – держал под контролем готовый стрелять на поражение Свистунов.

Опутав фал вокруг правого предплечья и левой ноги, я зажал его между ботинками, после чего отпустил наконец край стены и съехал к ее подножию. Я сжимал трос изо всех оставшихся во мне сил, но спуск все равно выдался быстрым. Достигнув земли, я не устоял на ногах и плюхнулся на бок. Сразу выяснилось, кто из нас с охотником больше пострадал от красных молний. У того хватало прыти, чтобы вести бой с Тиберием. Мне едва удалось подняться с пола, но удержаться в вертикальном положении – уже нет. Ноги подкашивались, руки почти не двигались, а голова кружилась. Похоже, весь остаток моей энергии ушел на то, чтобы не позволить себе сорваться со стены. И теперь мне пришлось вновь опереться на нее, поскольку внизу я чувствовал себя столь же беспомощным, как и наверху.

Завидев это, Свистунов, пригнувшись, выскочил из-за укрытия и, стреляя короткими очередями, поспешил мне на подмогу. Враг не показывался, да и кому на его месте хотелось бы подставляться под пули? А помощь доктора прилась бы мне весьма кстати. Если, опираясь на его плечо, я сумею отойти на свою огневую позицию, где лежат гранаты, охотнику от нас за обломками уже не схорониться. Главное, чтобы он просидел там еще хотя бы полминуты. И тогда я ему очень не позавидую...

С-с-чхин-н-нь!

Не добежав до меня всего несколько шагов, Зеленый Шприц споткнулся, взмахнул руками и, выронив «карташ», растянулся на полу. Столь же недвижимый, как лежащие поодаль от него Жорик и Динара...

Но как такое вдруг могло произойти? Я был готов отдать руку на отсечение, что охотник не высовывался из-за своей плиты! А выстрелить оттуда незаметно было попросту нереально.

Все правильно: он и не стрелял в Тиберию. Летающий шокер угодил тому в спину, в то время как доктор был повернут ко вражескому укрытию лицом.

Ну конечно: зашедший с другого фланга третий охотник! Или, вернее, не с фланга, а сзади – со стороны железнодорожных путей. Гибкая тень проскользнула в окно, у которого прежде дежурил Свистунов и, держа оружие на изготовку, устремилась в нашем направлении. Очевидно, этот противник выжидал, когда его соратники-верхолазы отвлекут на себя все наше внимание, чтобы затем, не утруждая себя штурмом завалов, подобраться к нам по земле. И дождался, заодно устранив Зеленого Шприца. А вместе со вторгшимся в вокзал стрелком убежище покинул и мой недавний спаситель. Он только что перезарядил оружие и был готов обездвигить меня окончательно.

Битва была окончена. Но я все никак не мог уgomониться: оттолкнулся от стены, на которую опирался, упал на колени и пополз к распластавшемуся на полу Тиберию. Или, вернее, к его «карташу». На что я надеялся, непонятно. Но инстинкт самосохранения не позволял мне пренебречь моим последним шансом на защиту. Бывают ведь в жизни чудеса, согласитесь. Но каким образом узнать, могу я рассчитывать на чудо или нет, если не прилагать к этому никаких усилий?

Увы, но усилия, на какие я подвиг себя сейчас, на чудотворные не тянули. Третий охотник подоспел ко мне раньше своего товарища и прежде, чем я дополз до оружия. Вероятно, поэтому он не стал «чихать» в меня из парализатора, а лишь наподдал мне ботинком по ребрам. Да и то, похоже, для острастки. Удар был несильным, но чтобы погасить во мне тлеющий дух сопротивления, хватило и такого.

Я упал на бок и замер без движения. Ощущения были такие, словно прозрачный кисель, в какой я погрузился после контакта с красными молниями, теперь загустел в пастилу, двигаться в которой было уже совершенно невозможно. Странно, почему я еще умудрялся в ней дышать.

Впрочем, тот факт, что эти ловцы взяли меня и моих товарищей живьем, выглядел еще более странно...

– Дело сделано. Думаю, можно докладывать об исполнении, – лаконично подытожил третий охотник, когда его напарник присоединился к нам. Судя по его неловким движениям, он, подобно мне, также «плавал в киселе». Но чувствовал он себя при этом все-таки бодрее, чем я.

– Можно докладывать, – согласился тот. Поскольку из всей их группы я заметил его первым, то не мудрствуя лукаво и окрестил его мысленно Первым. – Только давай ты. У меня связь не контактит. Этот шустряк мне висок дробью оцарапал и, кажется, мю-фон повредил... Что с Бекаром?

– Ушибся крепко, но ходить вроде бы может, – ответил Третий. У него в отличие от занятого перестрелкой Первого было время поинтересоваться судьбой сброшенного мной со стены Второго. – Повезло Бекару: на наклонную поверхность загремел и уже по ней скатился на землю.

– Сам из завалов выберется?

– Не выберется – со мной свяжется, попросит помочь... Ладно, не отвлекай: я – на доклад.

Третий отошел к стене, отвернулся и, активировав вшитый ему в висок имплант мю-фона, приступил к переговорам с четвертым членом их группы – надо полагать, командиром.

Именно командиром, а не главарем банды, поскольку ни бандой, ни наемничьей компанией эти ребята точно не были. Сковавшая меня беспомощность плохо влияла на ход мыслей, однако я не мог не отметить дисциплину и хладнокровие, которое пленившая нас троица сохраняла не только в бою, но и по его завершении. Любой бандит или наемник на их месте после поимки Алмазного Мангуста впал бы в немалый восторг. И не устоял бы перед искушением если не вырезать, то хотя бы рассмотреть вблизи и потрогать мои алмазы. Эти чистильщики обладали завидной по сталкерским меркам выдержкой, чем повергли меня в замешательство.

В каком подразделении они служат и кому подчиняются? Не далее как в октябре прошлого года я уже попадал в лапы военных. Но даже суровые бойцы спецназа не могли тогда скрыть радость после моей поимки. А эти головорезы не выказывали никаких эмоций и вели себя так, будто провернули обычную рутинную работу, ни больше ни меньше. Естественно, я не мог не спросить, кто они такие, поскольку сами они откровенничать со мной явно не торопились.

– Не твое дело! – отрезал Первый, отбирая у меня нож и дотошно обшаривая мою одежду в поисках иного скрытого оружия. Предраассветные сумерки позволили мне изучить вблизи экипировку охотника. Уникальная, практичная, идеально подогнанная по фигуре и явно не дешевая. Но без знаков различия и прочих воинских атрибутов.

Какие отсюда следуют выводы?

Не знаю, как вам, а мне в голову могла прийти только одна догадка. Которую я немедленно и проверил.

– Триплекс-два-шестнадцать-Горгона-игрек-пять-Алабама. Глубина погружения – дно, – пробубнил я под нос белиберду, смысл которой, уверен, вам абсолютно ни о чем не скажет. Тем не менее я не бредил и полностью отдавал себе сейчас отчет. Равно как и эти охотники не должны были проигнорировать мое бормотание. Никак не должны, ведь если они – те, о ком я думаю, – мои слова их как минимум насторожат. – Повторяю: Триплекс-два-шестнадцать-Горгона-игрек-пять-Алабама. Глубина погружения – дно. Повторяю: Триплекс-два-шестнадцать...

Бинго! В самую точку!

Когда я понес околесицу, Первый ощупывал голенища моих ботинок, проверяя, не запрятал ли я в них второй нож или какую-нибудь мелкую стреляющую хренотень. Но стоило мне произнести кодовую информацию, как головорез моментально прекратил свое заня-

тие, замер и пристально уставился мне в глаза. Когда я повторил код, Первый уже торопливо поднялся на ноги. А едва я заговорил в третий раз, как левая рука охотника зажала мне рот, а правая принялась ощупывать виски и шею, ища не обнаруженный при первом обыске миниатюрный микрофон. Этих ребят, безусловно, проинструктировали насчет того, что я не пользуюсь имплантами. Но техника постарее и попроще в моих руках ломается не сразу, поэтому тут я мог и не блефовать.

Микрофона на мне не отыскалось. Не было его у меня и во рту, куда охотник бесцеремонно заглянул, чтобы осмотреть мои зубы и найти среди них с помощью фонарика замаскированный передатчик. До выдирания самих зубов дело, слава богу, не дошло, а то бы я горько пожалел о том, что вообще осмелился на свою провокацию. Не дошло дело и до расспросов. Вместо них Первый подошел к Третьему и, оторвав его от переговоров по мюфону, сообщил ему о моей выходке. Третий жестом велел напарнику подождать, после чего, видимо, передал командиру мои последние слова.

Все правильно. Еще бы он их не передал! А вы бы не позвонили своему товарищу, если бы кто-то вдруг невзначай поведал вам, что у него возникли серьезные проблемы?

У захвативших нас охотников таких проблем, какими я их напугал, не было. Но они не имели об этом понятия, пока не проконсультировались со своим командиром. Лишь он мог знать наверняка, что я блефую, поскольку для него было плевым делом проверить мои слова. Не прошло и полминуты, как Третий получил ответ на свой запрос и, посмотрев на Первого, отрицательно помотал головой. После чего оба они обернулись и молча уставились на меня испытующими взорами.

Я тоже таранился на них. И хоть старался делать это подобно им – бесстрастно, – все же мне не удалось скрыть свое удовлетворение. Радости от него, правда, не было никакой, но моя догадка подтвердилась, и это главное. Теперь я имел представление, кому именно повезло сегодня захватить меня живьем и без потерь...

В бытность мою военным пилотом я и мои собратья по вертолетному ремеслу выполняли в зонах боевых действий всевозможные задачи. В том числе занимались воздушной разведкой. Она включала в себя наблюдение не только за противником, но также контроль за перемещением и расположением собственных наземных сил. И если в маневрах или дислокации последних обнаруживались какие-либо изъяны, мы – вторые после орбитальных спутников небесные опекуны армии – исправно докладывали об этом в штаб.

Делалось это всегда на кодированных частотах. Но в особых случаях мы перестраховывались и шифровали информацию, что передавалась даже по закрытым каналам. К таким особым случаям относилось неожиданное обнаружение наших разведгрупп, которые по какой-либо причине могли демаскировать себя для наблюдателей с воздуха. Нечасто, но подобное случалось – идеальных исполнителей не бывает даже среди аккуратных рыцарей плаща и кинжала. И тогда я извещал штабного координатора разведчиков о том, что его ребята засветились. И если сами они при этом не находились в режиме полной электронной невидимости, мой предупредительный сигнал попутно транслировался и им.

Код был аналогичен тому, которым я разоблачил охотников. Количество существительных в первом предложении соответствовало количеству замеченных мной разведчиков – трем. Идущие друг за другом числа следовало плюсовать. Число, стоящее после латинской буквы – отнимать от полученной суммы. Результат вычитания – в нашем случае это «тринадцать» – соответствовал порядковому номеру в секретном штабном реестре, где были описаны ситуации, оповещать о которых командование следовало шифрованным текстом. В тринадцатом пункте данного списка – этого я не забыл – как раз и значилась «рассекреченная разведгруппа».

Насколько серьезно она рассекречена, сообщалось во втором предложении. Оно могло быть любым, лишь бы смысл его четко указывал на этап некой проделанной работы. И чем

ближе она была к финалу, тем хуже обстояли дела у объекта моего наблюдения. Если бы я сказал не «Глубина погружения – дно», а «Погружение продолжается» или «Погружение на малую глубину», это означало бы, что разведчики еще не засветились полностью, а либо видны мне с воздуха, но, скорее всего, не замечены противником, либо почти не видны, но напомнить им об осторожности все же стоит...

Вряд ли сегодня военная разведка пользовалась кодами шестилетней давности. Но кто сказал, что я извещаю о пленивших меня ублюдках их командование, а не какое-либо другое? Вот почему Первый сразу же заткнул мне рот и доложил об этом своему координатору. Который, обладая более высоким уровнем доступа к секретной информации, тут же проверил, какие армейские подразделения пользуются в Зоне устаревшим шифровальным алгоритмом. И, выяснив, что никакие, заверил своих оперативников, что пленник всего-навсего валяет дурака. Или, что более вероятно, проверяет, как вы, дуболомы, на это отреагируете, и поймет, что за контора его повязала.

Третий «дуболом»... или, согласно моей персональной классификации, «дуболом» по прозвищу Второй, приковылял к товарищам, когда они уже отволокли меня и моих товарищей к главному входу и уложили рядком, очевидно, в ожидании какого-то транспорта. Этот оперативник неведомого мне спецподразделения почти не отличался от своих собратьев по группе. Столь же безликий и невозмутимый, как остальные, он прихрамывал после падения со стены и старался поменьше двигать левой рукой, которую он, судя по всему, здорово ушиб. Разговаривали охотники между собой вполголоса и так, чтобы я их не расслышал. За свою шутку я не удостоился от них даже словесного оскорбления, не говоря уж о воспитательных тумаках. В плане гуманности к пленникам эти спецназовцы являлись более чем добросовестными блюстителями Женевской конвенции. Воистину, редчайший для здешних краев тип головореза. Не чета тем чистильщикам, что изловили нас в прошлом году и не отказали себе в удовольствии намять нам бока прикладами.

Похожие друг на друга, словно колпачки наперсточника, охотники постоянно мельтешили у меня перед глазами. Неудивительно, что вскоре я попросту запутался, кого из них величать Первым, кого Вторым, а кого Третьим. И потому обозвал их более красноречиво: Нормальный, Медленный и Хромой.

Поскольку лежание и бездействие понемногу возвращали мне силы, я был, от греха подальше, скован наручниками. Мои товарищи, из чьих доспехов по-прежнему торчали мерцающие багровым светом шоковые цилиндрики, все еще пребывали без сознания и не нуждались в кандалах. Медицинская помощь потребовалась лишь Арабеске, расквасившей себе нос после того, как я нечаянно уронил ее со страховочного фала лицом на бетон.

То, что нос бедняжки был лишь расквашен, а не сломан, я узнал от Медленного, который проверил самочувствие всех пленников. Склонившись над Динарой, он отер у нее с лица кровь салфеткой, затем ошупал ей переносицу и, не найдя ни вывиха, ни перелома, удовлетворенно буркнул: «Повезло сучке!» После чего вставил пациентке в ноздри кровоостанавливающие тампоны. И напоследок залепил у нее на подбородке хирургическим клеем обнаружившееся под стертой кровью мелкое рассечение.

Я же смотрел на работу Медленного и продолжал недоумевать над нашими подозрительно гуманными противниками. Смотрел и помалкивал, так как спрашивать их об истинных причинах этой гуманности явно не имело смысла...

Глава 3

После доклада Нормального по мю-фону миновало примерно полчаса – самое время прибыть сюда какому-нибудь эвакуационному транспорту. Однако что именно за нами было выслано – вертолет или бронетранспортер, – мы так и не узнали.

Механический шум, который вдруг донесся до нас на рассвете, не походил ни на стрекот «вертушки», ни на гул бронетехники. И вообще, то, что двигалось сейчас на северном краю площади, ныне уже не считалось творением человеческих рук. Тяжелая, сбивчивая поступь, вкупе с железным скрипом и завыванием сервомоторов, давали понять, что к Рижскому вокзалу пожаловал сам Дикий Сварщик – крупный биомех-ремонтник, перемещающийся на шести конечностях и считающийся в среде техноса полевым лекарем.

Я лежал на полу у стены и не видел монстра. Но был готов поспорить, что правильно угадал, кто он такой, по громыханию его шагов. Впрочем, заключить по этому поводу пари было не с кем. Встревоженным шумом охотникам вмиг стало не до нас. Все они, пригнувшись, тут же рассредоточивались у окон, из которых северная часть площади просматривалась лучше всего.

Дальнейшее поведение Нормального, Медленного и Хромого было легко предсказуемо. Если Дикий Сварщик их заметит, он не ринется в бой сам, а оглушительно заревет, сзывая себе на подмогу всех окрестных биомехов. И те, сбившись в стаю, не позволят людям обидеть своего любимого «Айболита». Все, что требовалось охотникам, это стать тише воды, ниже травы до тех пор, пока Сварщик отсюда не уйдет. Элементарная, зато самая эффективная тактика при столкновении с этой вредной и крикливой тварью.

Однако, вопреки моему прогнозу, произошло совершенно обратное. Вместо того чтобы сидеть и помалкивать, спецназовцы внезапно все как один разразились бранью. Негромкой и сдержанной, но, заслышав ее, я не поверил своим ушам. Крутые, как склоны Эвереста, парни, которые даже мою картечь сносили, стоически стиснув зубы, взялись материться при виде монстра, который топтался вдалеке и не обращал на них внимания!..

Заинтригованный, я приподнял голову и посмотрел на ругающихся головорезов. И увидел странную и отчасти даже комичную картину: некогда рослые спецназовцы неожиданно превратились в карликов и теперь едва достали бы макушками мне до пупка! А как забавно они при этом дергались и скребли у себя под ногами бетон! Вот потеха-то! И пусть радоваться в моем положении было глупо, я все равно не сдержал ухмылку, став свидетелем очередного чудачества гораздой до таких забав Зоны.

Впрочем, ухмылка моя была мимолетной. Когда я смекнул, во что вляпались враги – причем вляпались самым натуральным образом, – меня охватил испуг. Я тут же глянул на участок пола, на котором мы лежали... И – хвала фортуне! – продолжали лежать, не утонув в бетоне ни на миллиметр. А вот охотники погрузились в него почти по пояс. Не укоротились в росте, как мне сперва почудилось (хотя в наших краях и подобное не исключено), а всего лишь приутонули в размягчившемся, а затем вновь затвердевшем полу.

«Чертова топь» – так называлась ловушка, в какую они угодили. Но откуда она там взялась? Ведь и вчера, и сегодня я не однажды проходил рядом с теми окнами... Действительно, неисповедимы пути здешней природы, раз от разу играющей с человеком подобные злые шутки. Теперь этих несчастных спасет только ампутация, поскольку лазерным резакон и отбойным молотком из такого плена не высвободишься. «Чертова топь» соединяет бетон и клетки человеческого организма на структурном уровне, превращая их в единое и, к несчастью, уже нежизнеспособное целое...

Я хотел было шикнуть на спецназовцев, дабы они заткнулись и не накликали на свои головы вторую беду, которая вкупе с первой лишит их всякой возможности выжить. Но тут

вдруг обнаружилось, что никакого шума с площади больше не доносится. Внезапно утихла не только поступь Дикого Сварщика, но и прочие издаваемые им звуки.

«Застыл на месте!» – наверняка подумаете вы и будете лишь наполовину правы. Остановиться Сварщик может, это да. Но вот застыть – никогда. Подвижных сочленений, сервомоторов и постоянно функционирующих механизмов у этого биомеха так много, что, даже не шевеля конечностями, он будет выдавать себя скрипами, лязгами и скрежетами. И уж коли этот монстр притопал на площадь, нам предстоит слушать его возню до тех пор, пока он отсюда не уберется.

И тем не менее грохот полностью стих и не возобновлялся. Чудеса, да и только! Все утро на нас, как из мешка, сыплются сюрпризы, приятные вперемешку с неприятными. Вот только какой сюрприз окажется на самом дне этого мешка и выпадет последним? Вопрос для нас принципиальный, но, увы, ответ на него совершенно непредсказуем...

Утратив подвижность, теперь я мог лишь наблюдать за событиями, разыгравшимися в этот час на Рижском вокзале. И события эти даже не думали останавливать свой ход, то и дело срывающийся на галоп. Едва я озадачился исчезновением Сварщика, как вырывающиеся из западни охотники вновь вскинули автоматы. Правда, нацелили их не туда, где прежде топал шестиногий монстр, а в противоположную сторону. Нацелили и тут же уронили их на пол с таким грохотом, как будто те вдруг потяжелели раз в двадцать.

Хотя почему «как будто»? Именно это и случилось с оружием незадачливых головорезов. И не только с ним. Защитные пластины и прочие металлические атрибуты их комбинезонов поразила та же гравитационная аномалия. Все ее жертвы сгорбились, их лица перекосилились от натуги, и они, наклонившись вперед, были вынуждены опереться руками о пол. Удерживать вертикально собственное тело, когда доспехи на нем начинают весить полцентнера, – тяжелое испытание. Особенно если при этом нельзя ни присесть, ни вообще сойти с места даже на миллиметр.

Белая полоса в жизни наших врагов закончилась, и теперь им не везло, как пресловутым уопленникам. А вы говорите, снаряд дважды в одну воронку не попадает! Полноте! Еще как попадает! В Пятизоне всякое возможно. Здесь два снаряда могут не только упасть в одну воронку, но и, развернувшись в полете, возвратиться обратно, чтобы поквитаться с артиллеристом. Про аномальные ловушки и говорить нечего. Не удивлюсь, если на наших горе-охотников свалится еще какое-нибудь суровое испытание, а то и не одно.

Вскорости выяснилось, в кого целились Нормальный, Медленный и Хромой (хотя, говоря по правде, ни нормальных, ни хромых среди них уже не было), прежде чем их пушки и экипировка стали неподъемными. Нет, это был не Дикый Сварщик, который, умолкнув, больше не давал о себе знать. Вмурованные по пояс в пол спецназовцы собирались стрелять в сталкера, что приближался к нам с юга. Приближался и в итоге достиг вокзала, поскольку ни одна пуля в него так и не была выпущена.

В оконном просвете, под которым я лежал, нарисовался человек; я мог видеть лишь его тень, падающую на пол с первыми лучами восходящего солнца. Человек осмотрел снаряды зал, увидел все, что ему хотелось, после чего, не сказав ни слова, направился дальше, к главному входу. Бродяга не спешил и не особо тайлся, а стало быть, он знал себе цену. Немногие сталкеры могут похвастаться подобным спокойствием перед лицом здешних врагов. Очень немногие...

Охотники, которым, в отличие от меня, гость был хорошо виден, смотрели на него исподлобья. Но я не назвал бы их взгляды откровенно враждебными. Точно так же Упырь, барыга из Соснового Бора, глядит на заявившихся к нему в неурочное время мелких клиентов: радости от них почти никакой, а выгнать их взащей не позволяют рыночные принципы.

Сталкер, что в ореоле рассветных лучей переступил порог вокзала, оказался тем самым человеком, которого мы ждали со вчерашнего вечера. Ждали и не сомневались, что он при-

дет. Но тем не менее его появление стало для меня полнейшей неожиданностью. Как такое возможно, спросите вы. Возможно, отвечу я. Вопреки всем ожиданиям на подмогу нам прибыл не посланец Мерлина, а он сам – легенда Пятизонья, его лучший первооткрыватель и исследователь, сталкер и журналист Семен Пожарский!

«Шел он гордой походочкой на обеих ногах», – так поется в старой солдатской песенке, которую я, учась в летном училище, гнусавил под гитару в казарме вместе с другими курсантами. То же самое, слово в слово, я мог бы пропеть и сейчас. Однако неподходящее для шуток время и отвисшая от удивления челюсть не позволили мне встретить нашего спасителя этой меткой цитатой. И потому его явление народу состоялось в полной тишине. Даже охотники, и те прикусили языки, хотя до сего момента бранились сквозь зубы почти без умолку.

Первое, что сделал Мерлин, войдя в дверь, это снял свои архаичные круглые очки в тонкой стальной оправе и протер их платком, вытасненным из-за отворота перчатки. После чего, вернув платок обратно, а очки – на нос, взъерошил ладонью ежик своих белобрых волос – инстинктивный жест, проявляющийся у Семена в минуты раздумий. Затем пристально поглядел на притихших спецназовцев, огорченно покачал головой и, отвернувшись от них, направился ко мне.

Походка Пожарского заметно отличалась от прежней, но что тут поделаешь. Какими бы высокотехнологичными ни были его протезы, настоящими ногами им никогда не стать. А тем более ногами такой легендарной личности, чьи прежние ноги истоптали все Пятизонье вдоль и поперек не по одному разу.

– Какая, право слово, гримаса фортуны! – ухмыльнувшись, проговорил Мерлин вместо приветствия. – А ведь когда мы с тобой и твоими друзьями виделись в последний раз, это мы лежали перед вами совершенно беспомощные, а вы самоотверженно спасали наши жизни. Кто бы мог тогда подумать, что спустя всего полгода это повторится с точностью до наоборот!

– Я тоже безумно рад тебя видеть, старик. Однако не думал, что ты станешь настолько безрассудным и вернешься в Зону после всего того, что она с тобой сделала, – ответил я. И, повернувшись на живот, подставил благодетелю скованные наручниками запястья.

– Зона здесь совершенно ни при чем, – возразил Пожарский, разминая кисти рук перед процедурой моего освобождения. – Не она отняла у меня ноги, а человек, настоящее имя которого ты сообщил мне вместе с вашей просьбой о помощи. Неужто ты решил, что, узнав о том, кто такой Умник и что у вас тоже есть к нему счеты, я не составлю вам компанию и лично не взыщу с этого паскудника все, что он мне задолжал? Как бы не так! К тому же цель вашего похода – превосходный сюжет для нового репортажа. Которыми, сам понимаешь, я в последнее время мир практически не балую...

Чтобы открыть наручники, «жженому» сталкеру-универсалу типа Мерлина ключ нужен не больше, чем мне – пассатижи при лузгании семечек. Задействовав свои способности метаморфа – преобразователя материи, – Семен одним касанием пальца превратил закаленную сталь кандалов в податливую будто воск субстанцию. Мне оставалось лишь разорвать цепочку, а потом содрать с запястий оба размякших «браслета».

Пока я это делал, успел заметить прицепленный у Пожарского к поясу компактный шумоимитатор. Дорогостоящая игрушка, но для искателей артефактов – вещь незаменимая. Этим прибором они заманивали биомехов в засаду, после чего расстреливали их шквальным огнем и выдирали у них из утроб «Сердце зверя». Шумоимитатор выпускал узконаправленный акустический луч по объекту, который мог быть использован в качестве резонатора – например, по остову какой-нибудь техники. После чего тот начинал вибрировать в унисон лучу, передающему запрограммированные в шумоимитаторе звуки. Привлеченный ими механоид приближался к «поющему» объекту, где и находил свой бесславный конец.

Что ж, теперь понятно, откуда на привокзальной площади взялся Дикий Сварщик и куда он потом исчез.

Заслышав на пути к «святилищу» доносящиеся оттуда выстрелы, Мерлин был слегка озадачен. Слишком уж странно звучала идущая там перестрелка: пороховое оружие против армейских шокеров; их «чихание» Семену было хорошо знакомо – такими устройствами оснащались патрули, стерегущие карантинный периметр близ Барьера. В Зоне, помимо военных, шокерами также пользовались наемные охотники за головами. Вот почему Пожарский предпочел не рисковать, кидаясь в драку очертя голову.

Прежде всего следовало выяснить, что за враги вознамерились взять нас живьем. С Законом Мерлин и его команда всегда старались поддерживать хорошие отношения, ведь благодаря своей всемирной славе они являлись единственными свободными сталкерами, которых пропускали под купол Барьера легально. В качестве благодарности Семен снабжал военных стратегической информацией о техносе и иных аномальных превратностях Зоны. И потому было бы крайне нежелательно взять и в одночасье разрушить это их взаимовыгодное перемирие.

Пока Пожарский присматривался, перестрелка утихла. Последний услышанный им выстрел – тот «чих», что уложил Свистунова, – красноречиво свидетельствовал о том, кто одержал победу. Насчитав в вокзале трех сталкеров и поняв, что их можно обезвредить, не прибегая к насилию, наш «жженный» друг приступил к действию.

Дальнейшее было для него делом техники. Стенерировав с помощью шумоимитатора незримый призрак Дикого Сварщика и дождавшись, пока враги подбегут к окнам, Мерлин размягчил у них под ногами пол. Рукотворная «Чертова топь» была, разумеется, безвреднее одноименной ловушки, и ее жертву можно было выдолбить из бетона уже без ампутации ног. Обезоружить противников оказалось еще легче. Фокусы с утяжелением предметов продельвают даже начинающие метаморфы. Для Пожарского подобное и вовсе не считалось сколько-нибудь значимым достижением.

Без Семена я также вряд ли сразу догадался бы, как привести в чувство товарищей. Дело это было несложное, но напрашивающийся сам собой способ – оторвать от них цилиндрики – здесь не работал. Или, вернее, работал, но не так быстро, как того требовалось. Для мгновенного пробуждения «спящих красавцев» их следовало... нет, не целовать в уста сахарные, а еще разок хорошенько шарахнуть той энергией, какая их усыпила. Да-да, именно так: клин клином...

Отвернув ножом на цилиндрике маленькую пробочку, Пожарский острием того же ножа давил на сокрытую под ней кнопочку. Цилиндрик вспыхивал еще раз, после чего угасал окончательно. Зато его жертва, напротив, тут же пробуждалась. Причем полная сил и горящая справедливым желанием засунуть этот цилиндрик в задницу тому, кто им выстрелил. По крайней мере Динара, очнувшись, порывалась перво-наперво сделать именно это.

Как назло, задницы у наших врагов были вмурованы в бетон, что Арабеску сильно раздосадовало. Впрочем, сокрушалась она недолго. Нежданно-негаданная встреча с Мерлином заставила ее вмиг забыть об отмщении. Тем более что никто не погиб, а наши враги и так уже получили по заслугам.

Жорика, разумеется, больше обрадовала не встреча с Пожарским, а то, что с Динарой все оказалось в порядке. За это Черный Джордж также не стал затаивать на спецназовцев зла. Лишь поклялся им, что за разбитое Динарино лицо он с ними потолкует отдельно. Как-нибудь потом, когда у него появится свободное время и он будет в лучшей спортивной форме.

Дюймовый не знал, кого на самом деле надо винить в том, что смазливая мордашка его пассии чуток подрастеряла презентабельный вид. Никто из нас, кроме меня, этого не знал. И потому я вполне мог сохранить свою маленькую оплошность в секрете, согласны?..

– Нам нельзя здесь задерживаться. Когда за этими парнями прилетит вертолет, мы должны быть как можно дальше отсюда, – заметил Мерлин, приведя в чувство Свистунова. Будучи человеком интеллигентным, доктор не стал рваться в драку со своими обидчиками. Но взгляд, каким он их одарил, давал понять, что представься Зеленому Шприцу случай, он с радостью пустил бы троицу охотников на сырье для своих биохимических опытов.

– Они оперативники из военной разведки. Это совершенно точно. Могу поспорить на что угодно – я такую публику насквозь вижу, – блеснул я перед Пожарским своей недюжинной проницательностью.

– Я знаю, откуда они. И даже подозреваю, что им могло от вас понадобиться. – Семена озвученная мной новость, однако, ничуть не впечатлила. – Но об этом я расскажу вам по дороге. Не мешкайте: идите собирайте манатки, через минуту выдвигаемся. А я как раз успею передать кое-кому большой и пламенный привет.

И направился к спецназовцам, все еще изнывающим под своими отяжелевшими доспехами...

Моя алмазная зараза не только укрепляла мое тело, но также обостряла зрение и слух. Поэтому я, собирая по залу гранаты, дробовик и ранец, прекрасно слышал все, о чем Пожарский толковал с оперативниками.

Сказал он им совсем немного. Но достаточно для того, чтобы я понял: бывший гражданский программист Мерлин ныне знает об армейских спецслужбах гораздо больше, чем я – бывший военный вертолетчик, успевший поработать бок о бок с этими самыми спецслужбами.

– Расслабьтесь, парни. С вами все будет в порядке, конечно, если помощь подоспеет к вам раньше, чем вас кто-нибудь растерзает, – утешил Семен насторожившихся при его приближении головорезов. – Так что советую сидеть смирно и почем зря не привлекать внимание биомехов. Гравитационная аномалия под вами рассосется через четверть часа, но из бетона вам придется самим выколупываться, уж извините... Ну ладно, а теперь о деле. Не буду вас допрашивать, кто вы такие и откуда, поскольку знаю: без пыток вы все равно не расколется. Но попытки к потенциальным союзникам я не применяю, поэтому просто слушайте и запоминайте. Мне известно о том, что в прошлом году Ведомство прислало в Зону нового комбинатора взамен того, что погиб во время Технореволюции. И о том, что этот дерзкий новичок уже успел повернуть здесь парочку удачных операций. Настолько удачных, что теперь Ведомственный отдел «Гермес» обратил на Пятизоне самое пристальное внимание. Впрочем, все это вы без меня знаете, ведь ваш босс и есть тот самый комбинатор. Так что если доживете до очередной встречи с ним, передайте ему следующее: раз он имеет на моих друзей какие-то виды, пусть приходит и договаривается с ними как положено, а не берет их в плен и не пытается склонить их к сотрудничеству шантажом! Сегодняшний инцидент был для вашего босса ошибкой. Больше у него такое не прокатит, это я гарантирую. Где нас можно разыскать, я ему не скажу. Если этот комбинатор и впрямь настолько хорош, он отыщет меня безо всяких подсказок. Если же нет, значит, слухи о его талантах сильно преувеличены, и у нас нет резона вести с ним какие-либо дела. А теперь счастливо оставаться! Желаю вам не обмочиться до того, как вас откапают!..

Перед тем как покинуть вместе с нами вокзал, Мерлин задержался ненадолго возле Плиты Надежды и пробежал глазами скопившиеся на ней надписи. Затем раздосадованно вздохнул, взъерошил волосы и виноватым тоном проговорил:

– Ради бога, извините, ребята, но сегодня мне не до вас. В следующий раз разберемся с вашими проблемами, ладно? Не обижайтесь. Вы всегда меня понимали, надеюсь, поймете и теперь. Спасибо...

– ...Что за, мать его, комбинатор и отдел «Гермес»? – любопытствовал я у Семена, когда мы, перейдя через изрезанные оврагами и разорванные тут и там рельсовые маги-

страли, углубились в Марьину Рощу. Более подходящего места, где мы могли бы затеряться от всевидящего ока чистильщиков, поблизости не сыскать. Лабиринты руин, в которые сегодня превратился этот некогда густонаселенный район Москвы, кишели биомехами. Не слишком крупными – такими, какие не застревали в здешних бетонных нагромождениях. Но в компании с Пожарским эта угроза отошла для нас на второй план. Мнемотехникой он владел не хуже ныне покойного узловика Ипата и мог отпугнуть за раз даже стаю мелкого техноса. Вдобавок Мерлин то и дело оборачивался и заметал за нами следы, используя свои таланты метаморфа и перемешивая телекинезом размешанную нашими ботинками грязь.

На заданный мною вопрос Семен ответил спустя четверть часа, когда мы, заслышав шум приближающегося вертолета, были вынуждены остановиться и затаиться. Чистильщики учинили воздушное преследование по нашим горячим следам, поэтому пришлось эти следы, скажем так, немного охладить. Мы спрятались на нижнем этаже полуразрушенного трехэтажного супермаркета и, дабы ввести в заблуждение инфракрасные сканеры противника, прикрепили над собой к потолку два артефакта «Фрича». Ими Динара и Жорик разжились позавчера, когда мы выбирались из кратера Курчатника – района, где располагался Московский тамбур. Оставлять столь ценные находки другим счастливицам резона не было, и мы прихватили «Фричи» с собой: благо они легкие, места занимают немного, авось да пригодятся...

Вот и пригодились. Растекшись по потолку, эта субстанция создала над нами холодный маскировочный экран. Который вкупе с тремя слоями бетонных плит и заметными Мерлином следами стал нашей дополнительной защитой от вражеских глаз.

– Ты правильно раскусил тех ребят – они и впрямь из разведки. А конкретно из того ее подразделения, которое в их системе кличут Ведомством, – сказал Пожарский, устраиваясь у окон так, чтобы, отдыхая, заодно посматривать, не движется ли за нами погоня, посланная уже по земле. Судя по не слишком бодрому виду нашего благодетеля, ходьба на протезах по грязи и обломкам давалась ему нелегко. Но он не жаловался. Он вообще ни разу на моей памяти не пенял на тяготы жизни, поскольку продолжал любить ее даже сегодня, когда она перестала отвечать ему взаимностью. – Ведомство – сравнительно небольшая «контора». Оно занимается проведением спецопераций, чей характер выходит за рамки общепринятых понятий о деятельности внешней разведки и контрразведки. Смотрели когда-нибудь фильмы про шпионов? Так вот, о том, чем занимаются агенты Ведомства, в тех фильмах не показывают и не рассказывают. Ну разве что эпизодически и исключительно с негативной точки зрения.

– Почему? – не врубился Жорик, наверняка досадующий в мыслях, что Мерлин не умеет изъясняться более простыми и понятными ему словами. Впрочем, за возможность побеседовать с живым сталкерским богом Дюймовый был готов стерпеть и не такие неудобства.

– Потому что, Георгий, в шпионском мире есть такие профессии, где героев нет и не может быть в принципе, – пояснил Семен. – К примеру, один из отделов Ведомства занимается исключительно проведением карательных акций. Причем речь идет не о тихих убийствах с помощью яда и не об имитации у жертвы естественной смерти. Напротив, имеются в виду как можно более кровавые казни, единственная цель которых – максимальное устрашение врагов. Устрашение и возмездие. Либо красноречивое предостережение на случай, если они еще только планируют какое-либо злодейство. Само собой, что никаких визитных карточек и манифестов каратели Ведомства после себя не оставляют. Но кому нужно, тот сразу понимает, кто и за что покарал того или иного ублюдка-террориста. Или его друзей. Или членов его семьи. Или всех их, вместе взятых. Смотря насколько убедительным станет этот намек. Всякий раз, когда террорист надумает убить наших женщин, стариков и детей,

он должен твердо знать: наш ответ будет либо адекватен, либо еще более жесток, что бы там ни твердили политики о неприемлемости такого рода контрмер.

– Так вот на чем, оказывается, специализируется это Ведомство: на организации политических убийств! – понимающе кивнул я. – Ну что ж, дело полезное, кто бы спорил... Одного не пойму: какого черта эти парни забыли в Пятизоне и что конкретно им от меня понадобилось?

– Я ведь сказал, что карательными акциями занимается лишь один из отделов Ведомства, – напомнил Пожарский. – Прочие, включая интересующий нас «Гермес», ведут иную, но тоже неприглядную с точки зрения морали деятельность. Хотя что вообще такое, эта самая мораль? Всего лишь навязчивая попытка одной группы людей заявить другой, думающей и живущей иначе группе, что образ жизни первых гораздо лучше и правильнее, нежели у вторых. Но что поделать, если жизнь этих групп протекает в совершенно разных условиях? Как защитнику природы, живущему в мегаполисе и покупающему продукты в супермаркете, объяснить полудикому эскимосу, что убивать китов – аморально? Как эскимос, в свою очередь, объяснит такому горожанину, что в тундре нет ни денег, ни супермаркетов и что без китового жира и мяса его племя попросту вымрет? Никак. Мы имеем две непримиримые морали, каждая из которых обладает силой лишь там, где ее исповедует большинство. Легко блюсти нравственность, если ты мирный человек, работающий школьным учителем, водителем такси или офисным клерком. Даже отъявленный бандит может, если захочет, стать праведником, завязав с преступлениями и став законопослушным. Но когда ты взялся отвечать ни много ни мало за государственную безопасность, когда тебе приходится всю жизнь работать в условиях перманентной войны без правил, идущей сразу на дюжине фронтов, и думать о том, как постоянно опережать на шаг своих врагов, тогда следовать морали праведников для тебя – непростительное преступление. И не только перед собой, но и перед той страной, которой ты служишь и которую поклялся защищать... Вот скажите, морально ли стравливать два соседних государства, развязывая между ними войну, лишь с той целью, чтобы они не объединили свои силы и не напали разом на твою страну?

– А что? Очень даже разумная политика, – недолго думая, прагматично рассудил я. – Раз нельзя договориться с ними по-мирному, пускай лучше режут своих граждан, чем соберутся в банду и начнут сообща резать наших. В конце концов, чьи старики, женщины и дети нам дороже: собственные или те, что живут за границей?

– И все равно, война – это нехорошо, – с осуждением покачал головой Черный Джордж, еще не растерявший в Зоне свое человеколюбие. – Тут я с вами, Геннадий Валерьевич, не согласен, уж извините. Поссорить соседей и глядеть, как приканчивают они друг друга – это как-то... не по-соседски. И не по-людски. Я, конечно, не политик и не знаю, как тут быть. Но раз у всех политиков такие большие головы, значит, они наверняка найдут мирный выход из этого тупика. Не могут не найти – мы же с вами не в Средние века живем, так ведь?

– Если бы, Георгий, политики знали мирный способ разрешения любого конфликта, зачем тогда существовало бы Ведомство? – задал Мерлин нашему «миротворцу» каверзный встречный вопрос.

Жорик пробубнил под нос что-то неразборчивое, пожал плечами, но дать конкретный ответ так и не сумел.

– Между тем, – продолжал Семен, – Ведомство не брезгует и подобной тактикой, стравливая пар в кипящих котлах, чей взрыв мог бы нас ошпарить. Конечно, до разжигания полномасштабных войн между странами дело доходит крайне редко – слишком накладное это удовольствие для Ведомственного бюджета. Но вот перессорить между собой какие-нибудь террористические шайки или же скомпрометировать их в глазах правительства той страны, которая их укрывает – это наши парни всегда за милую душу. И если ради того, чтобы такое

правительство прозрело и увидело, какую змею оно пригрело у себя на груди, надо принести в жертву две-три тысячи мирных граждан, что ж, значит, так оно и случится.

– Но ведь с нашей стороны это будет тот же самый терроризм, только санкционированный государством! – возмутилась Динара. Гуманисткой она никогда не была, но столь вопиющий в своей жестокости пример не оставил равнодушной даже ее.

– Нельзя уничтожить раковую опухоль, не повредив при этом в организме здоровые клетки, – резонно заметил на это Мерлин. – Террористы – это ведь не особая, живущая отдельно от общества каста людей. Зачастую они являются собой обычных граждан, берущих в руки оружие от банальной безнадёги и неудовлетворенности собственной жизнью. И кто станет потенциальным врагом такого человека? Конечно же, люди, которые живут гораздо лучше и счастливее, чем он. Это вполне естественно, ведь зависть и без бомбы в руках – страшная разрушительная сила, а с бомбой и подавно. Никаким борцам с терроризмом не под силу отделить от гражданской массы отдельно взятой «горячей» страны всех террористов и их приспешников, чтобы истребить их. Однако, пожертвовав некоторым количеством не зараженных этой чумой людей, можно вылечить огромное количество больных, дав им на их собственной шкуре почувствовать, что такое террор. Логика Ведомства тут простая. Вы покрывали террористов? Вы приютили и наплодили их у себя столько, что их число превысило критическую взрывоопасную массу? Что ж, пришла пора вам самим отведать, каково на вкус отравленное блюдо, которым вы собирались накормить других. Угощайтесь!.. Вам кажется это циничным и безнравственным? Большинству из вас – наверняка. Однако приготовьтесь: это еще не предел Ведомственной аморальности, о которой я собираюсь вам рассказать. То, чем занимается отдел «Гермес», представляет собой еще больший цинизм. Цинизм, который в цивилизованном обществе иначе как кощунством не назовешь...

– Погоди, старик, – перебил я Пожарского. – Откуда вообще тебе известно об этом Ведомстве, если оно настолько засекречено, что даже я о нем слышу впервые?

– И я, – добавил Свистунов, беглый сотрудник другой секретной военной организации – центра «Светоч». – Признаться, Семен, меня тоже поражает ваша осведомленность в таких специфических вопросах. Особенно принимая во внимание факт, что вы никогда не служили в армии. Не хочу сказать, что я вам не верю – нет-нет, что вы! Разумеется, верю! И все же хотелось хотя бы вкратце услышать, из какого источника вы почерпнули эти прелюбопытные сведения?

– Прекрасно вас обоих понимаю. – Пожарский ухмыльнулся и вновь взялся протирать свои очки. – Само собой, я не стал бы говорить вам о вещах, существование которых вызвало бы у меня сомнения. Однако в существовании Ведомства и в его нынешнем внимании к Пятизонью я уверен гораздо больше, чем в реальности Узла и мифического создателя Зоны – профессора Сливко. Именно Ведомство стало причиной моей самой досадной журналистской неудачи. Не люблю вспоминать ту историю, но раз уж вы затребовали от меня доказательства, извольте ее выслушать...

Первая встреча Мерлина с Ведомством состоялась около года назад. Когда он еще не был калекой и всюду путешествовал по Зоне со своей исследовательской группой. В очередном таком походе они и наткнулись на странного сталкера, угодившего в здешнюю ловушку – «Голубой огонек».

Случилось это на Казантипе, неподалеку от входа в Щелкинский гиперпространственный тоннель. Тот бродяга вырвался из тамбурного вихря и тут же с ходу налетел на «огонек», аномальный мерцающий свет которого ударил бедняге в глаза и превратил его в сомнамбулу, лишив рассудка, воли и, как следствие этого, шансов на выживание.

Однако сталкеру несказанно повезло. Спустя пару часов его случайно обнаружил вышедший из того же тамбура Пожарский. Он и «жженые» члены его команды умели выводить жертв «огонька» из зомбированного состояния с минимальными для них потерями.

После мнемотехнической промывки мозга к ним возвращался разум. Правда, не полностью, и поэтому психика такого пациента требовала последующего долговременного восстановления.

Пройти мимо незнакомого горемыки, бросив его на произвол судьбы, позволительно жестокосердному Мангусту, но не легендарному Мерлину. Скрутив ходячего зомби по рукам и ногам – и для своей, и для его безопасности, – добрые «жженые» самаритяне забрали его с собой. И, достигнув лагеря, приступили к лечению больного.

Никаких документов и опознавательных имплантов при нем не нашлось. Но, судя по завидному качеству прочих имплантов, их вживили не в Цитадели Ордена и не в лабораториях Ковчега, а за Барьером, в каком-то авторитетном медицинском учреждении. Да и защитный комбинезон сталкера был не только ладно скроен и крепко сшит, но вдобавок легок и практичен. Из чего следовало, что его носитель явился в Зону с твердым намерением избежать перестрелок и вести, подобно мне, скрытное существование. Если верить его потертой, но нигде не поврежденной одежде, это ему до сей поры успешно удавалось. А вот от ловушек сталкера, опять-таки как и я, оказался не застрахован, на чем в итоге и погорел.

Процедура приведения пострадавшего в чувство длилась несколько часов подряд. Все это время он безостановочно бредил, твердя раз за разом непонятные термины, числа и фразы. Весь этот словесный сумбур прорывался через импланты – блокираторы памяти, которые Пожарский обнаружил в голове у пациента и которые также были повреждены «Голубым огоньком». Эти специфические импланты и стали главной уликой, по какой «жженые» определили, что за субъекта они подобрали у тамбура.

Обычному сталкеру незачем перекрывать доступ к своему мозгу столь дорогостоящим «брандмауэром». Что за ним можно спрятать такого уж сверхценного? Но если вы принадлежите к верхушке Ордена или входите в число егерей, приближенных к фюреру Ковчега Хистеру, это в корне меняет дело. Носителю стратегической информации в Зоне без подобной защиты не обойтись. Без нее любой более-менее толковый мнемотехник выудит из вашей головы любые секретные сведения. Но спасенный Семеном сталкер не принадлежал ни к рыцарям, ни к егерям – слишком высокопрофессионально он был в свое время начинен имплантами. Биоинженерам этих сталкерских группировок так ни в жизнь не суметь – не их уровень. Виртуозную работу по вживлению в мозг именно таких устройств способны провернуть лишь спецы из военных институтов. И только небольшая категория топчущих Зону солдат могла заполучить столь мощные блокираторы памяти, а именно оперативники из элитных подразделений разведки.

Прежде Мерлину не доводилось сталкиваться с этими загадочными типами. И потому он был немало заинтригован неожиданной встречей с одним из них. Заинтригован настолько, что решил посвятить истории о работе в Зоне спецслужб целый цикл сенсационных репортажей. Частично разблокированная память спасенного оперативника позволяла Пожарскому исследовать ее, не опасаясь, что хозяин памяти этому категорически воспротивится. Даже придя в сознание, он все равно не сможет адекватно воспринимать реальность. И потому никто не посмеет обвинить психически больного человека в разглашении военной тайны. Да и Мерлина – тоже. Ведь сколько он уже раскрыл человечеству секретов Пятизонья, изначально не предназначенных для широкой огласки? Сотни. Так что парочкой больше, парочкой меньше – велика ли разница?..

Семен не был наивным и примерно представлял, какие грязные подробности он нарочит в голове своего нового знакомого. Но действительность превзошла все прогнозы. Память оперативника, работавшего на некое безымянное Ведомство, содержала достаточно информации, чтобы Пожарский составил представление об этой организации. А также о сфере ее интересов, куда с некоторых пор входила и Зона.

Добытые факты, разумеется, нуждались в проверке. Необязательно кропотливой – для их подтверждения вполне сгодились бы и косвенные доказательства. Такие, какие Мерлин мог добыть по многочисленным журналистским каналам, не насторожив при этом объект своего грядущего репортажа.

Готовить его непосредственно в Зоне Семен не намеревался. Переправив свой главный источник информации инкогнито за Барьер, в один из пяти принадлежащих Мерлину сталкерских госпиталей, он приступил к работе со всей присущей ему творческой самоотдачей. Оперативник понемногу шел на поправку. Но все равно он был еще слишком слаб даже для простого разговора, не понимая, кто он, где находится и что с ним происходит.

Продолжая исследовать темные глубины его памяти, Пожарский не переставал удивляться, какие истины он извлекает оттуда на свет. Удивлялся и пугался, поскольку с каждым днем все сильнее осознавал: обнародование этих истин сделает его еще знаменитее, но Ведомство ему такого не простит. И сделает все возможное, чтобы разрушить устоявшийся мир между легендарным сталкером и военными. Или того хуже: безо всяких экивоков отправит его к праотцам, ибо подобные методы наказания были там в порядке вещей.

Нехорошие предчувствия нашего друга подтвердились. Ведомство прознало о его проекте до того, как работа над ним была завершена. Но самые дурные опасения все-таки не оправдались. Автор провокационного репортажа остался жив, отделавшись лишь легким – читай привычным для бывалого сталкера – испугом. А также понес кое-какие материальные убытки. Не слишком значительные, но с учетом потраченного времени, вложенного труда и связанных с ним надежд утрата была невозполнимой.

Собранные и подкрепленные доказательствами видеоматериалы уже лежали на монтажном столе, когда Семена известили, что его безымянный, но стоящий на особом попечении пациент скорострительно скончался. Внезапная остановка сердца – таково было заключение присматривающих за ним днем и ночью врачей. Конечно, их это безмерно удивило, поскольку выздоровление больного протекало стабильно и ничто не предвещало столь плачевного исхода. Не удивился ему лишь Мерлин. Более прозрачного намека на то, что Ведомство разнюхало о его тайных делишках, оно подать не могло.

Оторванный от работы Пожарский еще не разобрался с одной проблемой, как ему поступило новое, не менее шокирующее сообщение. Оказалось, что едва он уехал в госпиталь, в монтажной студии разразился пожар, уничтоживший все оставленные там Семеном видеоматериалы. К счастью, никто не пострадал, но буйство пламени было таковым, что студийное оборудование также полностью сгорело.

Само собой, у Мерлина сохранились копии всех утраченных записей. Вот только арендовать новую студию он уже не рискнул, потому что совершенно правильно расшифровал и этот намек Ведомства. И понял, что следующий подобный пожар без жертв явно не обойдется.

Вконец деморализованный Семен забросил работу и заперся у себя в резиденции, с тревогой ожидая, каким будет третий намек взявшей его в оборот серьезной и официально не существующей конторы. Однако она вполне обошлась и двумя напоминаниями. А в качестве проверки, дошли эти напоминания до адресата или нет, отрядила к Пожарскому с визитом своего представителя.

Сей неприметный, щуплый человечек больше походил на пожилого офисного клерка – такого современного Акакия Акакиевича, – нежели на сотрудника влиятельной спецслужбы. И говорил он под стать тому, как выглядел: размеренно и негромко. Но, несмотря на это, каждое его слово обладало прямо-таки магической силой и отпечатывалось в мозгу Мерлина, будто отчеканенное пудовым молотом.

«Вы – достойный человек и исключительный профессионал своего дела, многоуважаемый Семен, – молвил посланник Ведомства, скромно примостившись на краешке кресла в

служебном кабинете Пожарского. – И мы – люди, которые также являются профессионалами в своем специфическом ремесле, – очень ценим ваш репортерский талант. Хотите верьте, хотите нет, но каждый из нас, включая меня, является вашим давним и преданным поклонником. Ваш вклад в изучение Пятизонья огромен, это неоспоримо. И нас безмерно радует то, что вы все время двигаетесь вперед, не останавливаясь на достигнутом. Не буду скрывать: добытая вами в Зоне информация здорово нам помогла, помогает и, как хотелось бы верить, будет помогать дальше. Можете считать, что все эти годы мы с вами занимались плодотворным взаимовыгодным сотрудничеством. Вы, сами того не подозревая, консультировали нас. А мы, в свою очередь, закрывали глаза на, скажем так, не всегда законные методы ваших творческих изысканий. И такое положение дел нас более чем устраивает. Да и вас, полагаю, тоже, разве нет? Однако иногда, как, например, сейчас, вы слегка увлекаетесь работой и переступаете границы дозволенного. В связи с чем у нас не остается иного выхода, как одернуть вас и напомнить о недопустимости подобного впредь. Мне крайне неловко, что мы причинили вам ряд неудобств и непредвиденных хлопот, но, надеюсь, это не слишком расстроило ваши планы на будущее. Также надеюсь, что выведенная вами у нашего сотрудника конфиденциальная информация не попадет в третьи руки и останется нашим общим маленьким секретом. Итак, могу ли я считать, что мы с вами пришли к единому мнению по данному деликатному вопросу?»

– ...Разумеется, мы с Ведомством пришли к единому мнению, поскольку иначе и быть не могло, – с кислой ухмылкой подытожил Мерлин. – И вот теперь я храню у себя в голове столько сенсационных тайн и горько сожалею о том, что у меня нет права сотворить на их основе, возможно, лучший репортаж в своей жизни... Досадно, но, увы, ничего не попишешь.

– Однако с нами ты своими секретами все же поделился, – заметила Динара.

– Не поделился бы, кабы Ведомство вдруг на вас не насело, – сказал Пожарский. – Вы мои друзья. И поэтому должны знать, с кем имеете дело, даже если ради этого мне придется нарушить кое-какие договоренности. Кто, в конце концов, для меня дороже: вы или кучка Ведомственных головорезов?

– Отдел «Гермес», – вернул я Семена к оставленной им теме разговора. – Что это за ублюдочная компания, если даже разжигатели войн по сравнению с ней почти ангелы?

– Все верно, – подтвердил Мерлин. – Так и есть. Разжигатели, как я о них фигурально выразился, стравливают пар из кипящих вокруг наших границ котлов. «Гермесы» играют куда циничнее, но в то же время изящнее и тоньше. Они заставляют энергию этого пара работать на нас, а не улетучиваться вхолостую. Иными словами, ловят рыбку в мутной воде, извлекая из учиненного их же собратьями хаоса сугубо материальную выгоду. За счет чего даже такая прожорливая в финансовом плане машина, как военная разведка, порой не только окупает вложенные в нее бюджетные средства, но еще и делает на них неплохой навар. Не всегда, разумеется, а лишь тогда, когда этому благоприятствуют обстоятельства. А также смотря какой специалист берется руководить таким рискованым мероприятием.

– Ты сейчас ведешь речь о торговцах оружием? – догадался я.

– Не только о них. Оружие – лишь одна из нескольких статей дохода «Гермеса». Гораздо более крупные барыши он наваривает на изъятии финансов у террористических организаций. Для чего и готовит специальных оперативников-комбинаторов, владеющих, как говаривали классики, множеством сравнительно честных способов отъема денег. Применительно к реалиям войны, разумеется. Поэтому и подготовка у таких оперативников соответствующая. Поначалу Ведомство даже не предполагало, что в Зоне для отдела «Гермес» отыщется работа. Однако когда выяснилось, какие авторитетные спонсоры финансируют из-за Барьера здешние группировки и какими суммами они при этом ворочают, тут-то у Ведомства слюнки

и потекли. Ну а на что оно глаз положило, от того, считай, «Гермес» рано или поздно долю отхватит. А не отхватит, так надкусит, но в любом случае просто так не отцепится.

– Очень интересно, – пробормотал я. – Вот только все равно непонятно, при чем здесь я?

– У прошлого здешнего комбинатора, который погиб при Технореволюции, был план привлечь тебя к сотрудничеству в качестве внештатного агента; это я, к слову, прочел в голове того покойного бедолаги. Новый комбинатор, похоже, тоже взял эту идею на вооружение. С точки зрения «Гермеса», мысль весьма разумная. Да и на твоём месте я бы не стал с ходу отмахиваться от такого предложения. Во-первых, работая на Ведомство, ты со своими способностями принес бы ему больше выгоды, нежели оно выручило бы от продажи твоих алмазов. Гораздо больше. Им сейчас позарез нужны эксперты по Пятизонью, а эксперты моего и твоего уровня и подавно. Во-вторых, перейдя под «крышу» этой конторы, ты был бы полностью амнистирован. Более того, получил бы карт-бланш Ведомственного сотрудника, и тогда никакие чистильщики не стали бы тебе страшны. Ты перестал бы хорониться по темным норам и сырým подвалам. Тебя снабдили бы официальным пропуском на военные и научные базы, где ты зализывал бы свои раны в безопасности, тепле и комфорте. И в-третьих, твоей семье выдали бы новые документы, после чего она вернулась бы в Россию. А ведь это тоже немало для тебя значит, верно? Жена и дочь виделись бы с тобой в карантинной зоне Барьеров, куда, полагаю, ты мог бы выходить под охраной в краткосрочные отпуска... Только не подумай, что я агитирую тебя встать под знамена Ведомства – вовсе нет! Я всего лишь предполагаю, на какие уступки оно может пойти, чтобы тебя завербовать. И выполнить эти условия для комбинатора не составит труда, можешь быть уверен. Сегодня твои таланты и знания о Пятизонье для военной разведки многократно ценнее, чем все твои алмазы, вместе взятые. А о могуществе «Гермеса» суди сам. Твои друзья пробыли на Обочине всего ничего, но нынешнему комбинатору этого вполне хватило, чтобы напасть на ваш след. Ловкий тип, что ни говори. С такими пронырами всегда выгоднее дружить, нежели враждовать.

– Звучит заманчиво, – мечтательно вздохнул я. – Еще месяц назад такие привилегии мне и в радужных снах не снились. Вот только мою главную проблему – превращение обратно в полноценного человека – Ведомство вряд ли решит. Да и зачем ему это? Без своей аномальной начинки я для «Гермеса» бесполезен. А на одних моих познаниях о Зоне сотрудничества не построишь. Здесь подобных мне «знатоков» выше крыши.

– Что ж, поживем – увидим, – пожал плечами Мерлин. – Найдем мы на «Альтитуде» разгадку твоего феномена или нет, это еще бабушка надвое сказала. Так что на твоём месте я бы присмотрел для себя в тылу надежную позицию. Такую, на которую в случае чего ты мог бы отступить и там закрепиться...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.